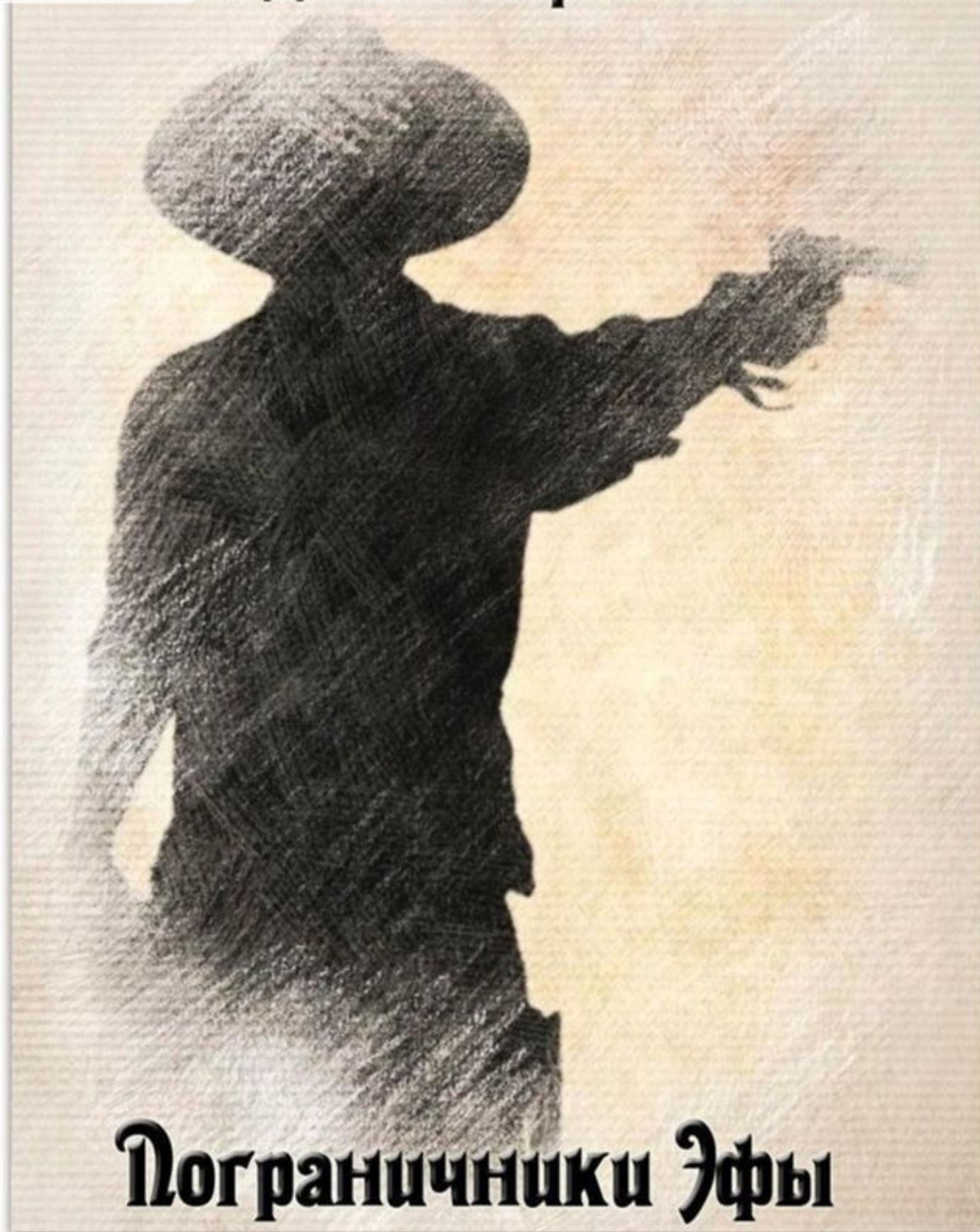

18+

Вадим Кирпичев

Пограничники Эфы

Вадим Кирпичев
Пограничники Эфы

«Издательские решения»

Кирпичев В.

Пограничники Эфы / В. Кирпичев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986033-0

Триста лет российские пограничники на далекой планете Эфа стоят на страже Махатрамы — портала в иные вселенные. И все триста лет беспощадно уничтожают любую нечисть, которая пытается прорваться в наш мир. Однажды начинается чрезвычайно мощное извержение чудовищ из Махатрамы. Но даже это оказывается пустяком по сравнению с той угрозой, что наслала на Эфу и весь наш мир Махатрама, второе имя которой — Великая Темнота.

ISBN 978-5-44-986033-0

© Кирпичев В.
© Издательские решения

Содержание

ПОГРАНИЧНИКИ ЭФЫ	6
Часть 1	7
Пограничье	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пограничники Эфы

Вадим Кирпичев

© Вадим Кирпичев, 2020

ISBN 978-5-4498-6033-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОГРАНИЧНИКИ ЭФЫ

Роман

Часть 1

Пограничье

Не земля, не море. Не лес, не горы.
Не воздух, не огонь. Не вчера, не завтра. Не восток, не запад. Не день, не ночь. Не добро,
не зло.

Демология Махатрамы

Глава 1

Дорога дальше становилась опасной – скоро Порченный Каньон. Туда надо идти одному. Пограничник посмотрел на подростка. Что значит земной малец. Местный догадался бы: не на прогулку вышел разведчик с автоматом через плечо. А прогонять жалко, еще обидится, а то и спорить начнет – балованный, просто так не отстанет.

До развилки метров триста. Две минуты. Есть еще время для безобидной шутки. Земляне вообще доверчивы, а этот – почти ребенок.

Спрятав улыбку поглубже, – сказки надо рассказывать серьезным тоном – пограничник спросил:

– Ты о фелициате слышал?

– А что это?

– Пальма счастья. По легенде, нашедшего ее человека она гарантированно одарит счастьем. Мне крестьяне рассказывали, что фелициата любое желание способна исполнить. Только трудно пальму счастья найти, не каждый искатель сможет.

– А ты?

– Я секрет знаю.

– Любое желание, – подросток призадумался, – а почему ты не отыскал эту, как ее, фелициату?

– Служба. Для дел военных дерево личного счастья без надобности, а с другими людьми ее дарами поделиться нельзя.

– А я смог бы найти фелициату?

– Зная секрет? Конечно.

– Расскажи, пожалуйста, – глаза мальчика загорелись, – о пальме, секрете.

– Ну раз просишь, тогда слушай...

На развилке подросток остановился первым и спросил:

– Тебе куда?

– Плановую проверку техсостояния эфирной станции осуществить надо. Скучное занятие.

– А мне на обед пора, тетка не любит, когда я опаздываю.

Слукавили оба и чрезвычайно довольные собой разошлись в разные стороны.

Подросток вприпрыжку торопился вернуться в военный городок, спешил к обещанному приключению, а пограничник по служебной заботе двинул к Порченному Каньону. Для офицера в зеленой фуражке время шуток закончилось, а уж тем более ему недосуг было размышлять о том, что здешние сказки не так уж и безопасны и вполне могут поменять планы впечатлительного подростка не только на каникулы.

Крутым обрывом пограничник спускался в каньон, хватаясь за упругие ветви орешника, за змеящиеся по земле корни сосен. Яркий солнечный день остался где-то там наверху, высоко над головой. Здесь выцвели даже рубиновые лучи эфанского солнца, и царствовал вечный серый покой Порченного Каньона.

В отличие от густо поросших склонов, на дне каньона деревьев почти не было, и ничто не мешало пограничнику шагать вдоль широкого галечного русла, слаломной трассой петляющего между массивных замшелых валунов. На ходу офицер проверил связь: комком молчал, так что пришлось вернуть его в карман. Видно, мощная порченная ляда образовалась когда-то в каньоне, раз за столько лет она не выветрилась и до сих пор умудрялась пакостить радиоэфиру.

Связи нет и не будет. Идеальное место для встречи с информатором, или для засады. С одной стороны, информатору не надо бояться, что засекут его передвижения и контакты,

а с другой стороны, если он ведет двойную игру, то лучше места для засады не придумать. Вон какие кусты вокруг. Стоит затаиться, жахнуть оттуда из двух стволов и здравствуй, апостол Петр.

Не так уж безопасны эти встречи с осведомителями. Бывали случаи, когда разведчики с них так и не возвращались. Пошел добывать информацию, а вместо этого сгинул и следов не осталось. Ненадежны платные осведомители, никогда не знаешь, кто ему заплатит больше.

За размышлениями пограничник не забывал поглядывать по сторонам, готовый среагировать на любой шорох, на любое опасное движение в кустах и за деревьями. Безопасных шорохов и движений здесь не могло быть в принципе. Ветер? Какой ветер в глубоком каньоне. Птицы, живность всякая? Не любят они порченных ляд, сторонятся.

Нет, здесь любой звук может быть последним, а уж тем более сейчас, когда на кону такой куш. Есть живодеры, которые за такой приз целую деревню вместе с ребятней с удовольствием вырежут, а на жизнь какого-то отдельного пограничника и внимания не обратят. Есть он, нет его, что за беда, когда речь идет о...

Додумать мысль пограничник не успел. Справа шумнули. И именно в этот миг ветка одного из кустов предательски резко дернулась. Офицер выхватил пистолет и так же мгновенно вернул его обратно в кобуру.

Рыжий язычок пламени перелетел с куста на сосну, метнулся по стволу, заплясал по закачавшимся веткам и затерялся в вершинах деревьев. Белка, сумасшедшая проказница-летунья забрела в Порченный Каньон полакомиться здешними жирными гигантскими орехами.

Последняя ветка махнула вслед белке и снова все стихло в мертвом мире.

Продолжая шагать по камням, офицер даже не взглянул вслед рыжей чертовке. Шел он между валунами быстро, лавировал с уверенностью человека точно знающего: чему быть, того не миновать.

Давно пересохшее русло виляло по каньону серой каменной змеей. Наконец за очередным поворотом показалось место встречи – громадный рухнувший кедр, мостом соединяющий стены ущелья. Под ним галечная россыпь изрядно заросла пятнами кустов. Чуток не дойдя до рухнувшего дерева, пограничник остановился. Затем прошел под стволом, чуть не зацепив его зеленой фуражкой.

Информатора пока нигде не было видно. Пограничник огляделся, задумался. О чем? Место чересчур уж глухое. Связи нет. Огневых точек – выбирай, не хочу. И нехорошая свинцовая тишина вокруг.

Вдалеке, в стороне противоположной той, откуда он пришел, показался человек. Офицер узнал своего информатора, но тот вместо того, чтобы поторопиться к упавшему кедру, остановился и принялся размахивать руками, привлекая внимание.

Тут-то за спиной офицера и хрустнула ветка. Он повернулся и прямо перед собой обнаружил пятерых вооруженных людей. Парочка пистолетов, ружье, два автомата. Все оружие в руках – приготовлено. Одета вся пятерка в гражданское и пестро. Бандиты. Чуток впереди всех стоял красавчик, выделявшийся белоснежной рубашкой и черной шляпой, украшенной тремя орлиными перьями. Главарь.

У бандитов пальцы лежали на спусковых крючках, а автомат у пограничника находился за спиной, но офицер так ловко смахнул его с плеча, что все шесть стволов открыли огонь почти одновременно.

Бандиты расстреливали пограничника в упор. Очереди рубили, крошили ветки над его головой – только щепки летели во все стороны. Но и автомат отступающего под непрерывным огнем офицера не молчал. Короткими очередями он бил по бандитам, грызлся.

Стрелять на бегу у пограничника получалось ловчее. Расстояние между ним и нападавшими все увеличивалось, ведь бандитам приходилось все время следить за тем, чтобы не попасть под свои же пули. Впрочем, оторваться попавшему в засаду военному не удалось.

Наперез из-за скалы появились еще пятеро бандитов и тут же открыли встречную пальбу. Очутившись под перекрестным огнем, офицер отступил к руслу, двинулся поперек каньона. Сходясь клином, две группы бандитов прижимали военного к отвесной стене каньона.

Странный бой разгорелся с удвоенной силой. Пограничник теперь уже стрелял почти непрерывно, а две атакующие пятерки, взяв его в огневые клещи, подступили почти вплотную. Свинцовый дождь летел в офицера из десяти стволов, но он по-прежнему не был даже ранен. Вот офицер уперся спиной в почти вертикальный в этом месте склон. Все. Отступить некуда. Сзади – крутая, в редких кустах скала, перед ним – бандиты. По стене над головой беспрерывно стучали пули. В ответ пограничник нажал на спуск, повел стволом. Пули затенькали по гальке, фонтанчиками отметились в пыли, рисуя пунктирную линию, через которую не стоило переступать.

Но смельчак нашелся. Когда очередь отвалила в сторону, красавчик в белой рубашке и черной шляпе с перьями перешагнул смертельную черту и ринулся вперед, чтобы тут же нарваться на выстрел в упор. Это офицер умудрился выхватить левой рукой пистолет и выстрелить в подбегавшего бандита.

На миг все замерли, словно окаменели, а бандит в черной шляпе с недоумением смотрел на свое плечо. По рубашке медленно расплзлось кровавое, красное пятно. И тут же стрельба стихла, стволы опустились, будто здесь существовал негласный уговор вести эту странную пальбу до первой крови и не дольше.

И тогда задевший пулей красавчик чертыхнулся, затем отшвырнул автомат, выхватил черный пистолет и бросился к офицеру. Подскочив, он так ткнул тому дулом в лоб, что зеленая фуражка отлетела в сторону и покатила, заковыляла по земле в сторону. А бандит, ввинчивая дуло в лоб пограничника, спросил:

– Ну что, лейтенант, хочешь стать дэвом?

Глава 2

Золотой клюв. Изумрудные глаза. Угольные перья в алмазной крошке. Самый обыкновенный ворон-падальщик сидел на засохшем дереве и наблюдал за своей скорой добычей.

За триста лет ворон порядком насмотрелся на людей, но такое странное черное оперенье на человеке видел впервые. В руке – черный прямоугольник, а где сучковатая стреляющая палка? Как он вообще собирался выживать? Думал, что здесь жизнь сладкая, как труп зебранки? Чужак. Обреченный чужак.

Ворон перепрыгнул на короткий нижний сук.

Палило солнце, ноги человека вязли в песке, но он упрямо взбирался на пологий бархан. Может быть, там, за песчаной пирамидой, спасение: зеленая долина, речка, дома. И он брел из последних сил, которых в этом тшедушном и сутулом до горбатости человеку оставалось совсем не много.

Черный костюм клерка. Белая рубашка. Строгий галстук. В руке – кейс. Словно шел человек на совещание руководства фирмы, да открыл не ту дверь и вместо того, чтобы попасть в кабинет шефа, вдруг вывалился на другую планету. Впрочем, где-то так оно и было.

На вершине холма пришелец остановился и попытался проморгаться. Тщетно. Ничего не получалось. Взгляд упирался в огненную меланжевую пелену. И тогда от наверху на глаза слез резь усилилась нестерпимо, пелена замутилась и внезапно сгнула. Зрение вернулось. Человек стал осматриваться.

Песчаное море желтело до горизонта. Ни клочка зелени, ни пятнышка воды. Куда ни повернись – застывшие волны барханов. Среди волнистых линий нашлась лишь одна прямая – полосатый столб на соседнем склоне. Человек побрел к нему.

С верхушки столба слепил глаза щит: прямоугольный лист металла, выкрашенный белой краской. На щите чернели четыре пока неразличимых слова. Человек брел на щит со слепым упрямством, будто надеялся на нем прочесть волшебное заклинание. Произнеси четыре заветные слова – и ты спасен.

Человек в черном костюме уже бредил.

Шаг. Еще шаг. Еще. Путь пошел вверх. Ноги чужака подкашивались, кейс выкручивал руку чугунной гирей, но пришелец упрямо тащился к щиту. Мазки слов разбежались отдельными буквами, те подпрыгивали, кувыркались и никак не желали становиться в строчный строй.

До столба оставалось метров десять. Человек сделал последний шаг. Сквозь хоровод темных пятен человек наконец-то прочитал заветные слова. И рухнул лицом вниз.

По песку скользнула тень. Заскрежетали когти по металлу, и на щит взгромоздился алмазнокрылый ворон. Сверкнул золотой клюв. Изумрудное око уставилось на добычу.

Рано. Еще жив, еще опасен. Надо ждать. Наохлившаяся птица чучелом замерла на железном насесте. Падальщики умеют ждать.

Через полчаса ворон спрыгнул на песок и заковылял вокруг головы умирающего. То и дело птица ныряющим движением вытягивала шею, заглядывала жертве в лицо, примерялась, как ловчей добраться до самого лакомого, до глаз человеческих. Опытный падальщик всегда начинает трапезу с десерта, с самого вкусенького, ибо никому не дано знать, когда завершится пиршество, уж больно велика конкуренция в этом жадном до падали мире.

Вдруг ворон вывернул клюв в зенит, завертел башкой. Надо было смываться. Громадный двуглавый орел со звездами на крыльях парил в небесах, а за века своей жизни ворон вызубрил твердо: ежели где объявилась эта диковинная двуглавая птица, падальщикам надо срочно давать деру. Ворон в два скака взлетел и сгинул в желтом мареве.

С тихим посвистом звездокрылый орел начал снижаться. Вскоре над прищельцем зазвучали голоса его спасителей, а можно сказать, и ангелов-хранителей, ведь еще пять минут назад у умирающего не было практически никаких шансов.

Первый ангел хрипло и разочарованно выматерился:

– Опоздали. Видишь – следы, ворон резвился здесь.

– Не торопись, он удачно упал. Голова целая. Погоди. Дышит. Давай, поднимаем и осторожно в машину. Р-р-аз, – голос второго ангела был не в пример первому спокоен и кроток.

Характерный посвист вновь зазвучал в небесах, и двуглавый орел исчез в редких облаках. На песчаном склоне остались полосатый столб, да на нем чуток искореженный чьими-то гигантскими зубами металлический щит с четырьмя словами:

ПОГРANЗACТАВА ИМЕНИ АНТОНИО САЛЬЕРИ

– Получи, дем! Вот так – и башка отлетела! И ты получи! Я бесстрашный гала!

Максим рубил бурьян направо и налево. Бамбуковая палка, служащая мечом, позеленела от сока измочаленных верхушек.

Еще несколько ударов – и степь закончилась, уперлась в зеленую стену леса.

Мальчишка обернулся на далекие белые домики, на миг задумался и шагнул под кроны.

Он продирался сквозь чащу, рубил своим мечом загораживающие путь ветки и не замечал того, что уже не один в лесу. За кустами мелькали едва различимые рогатые тени. Они бесшумно появлялись то сбоку, то за спиной Макса, и их становилось все больше, а они – все ближе.

Рубанув последнюю ветку, подросток выбрался на широкую поляну. И только он очутился посредине солнечного пятна, как вздрогнули, зашумели кусты от пробиравшихся сквозь них теней, и громадные черные рогатые псы стали по радиусам сходиться к центру поляны.

Небольшой беспилотный дирижабль висел над городком пограничников серебряным яйцом. Белые здания казарм, обрабатывающие на плацу строевую подготовку солдаты, суслик в степи, замерший у своей норки, – все видели камеры, закрепленные на брюхе дирижабля.

Следил небесный наблюдатель и за мальчишкой в лесу. Нитяные микропередатчики, вшитые в одежду подростка, работали для видеокамер как маячки, а картинка с дирижабля поступала прямо на монитор, расположенный в кухне одной из квартир аккуратного двухэтажного домика для офицерских семей.

Бурлил на плите борщ, висевший над холодильником монитор слежения показывал, как мальчишка выходит на лесную поляну, а склонившаяся над портативным комком молодая женщина набирала слова «Махатрама и подсознание». Она напечатала название главы и задумалась. Первое предложение текста ну никак не хотело ложиться на экран.

Звали молодую женщину Наташей.

Разобравшись с десятком утренних дел, по которым не смог помочь как назло сломавшийся домашний робот, она сейчас оставила себе только три: следила за племянником мужа, варила борщ и пыталась писать диссертацию.

– Обед готов?

Наташа быстро поднялась, на лету подхватила капитанский китель и поторопилась за мужем в ванную.

– Горячую воду отключили, Алексей, но я пару кастрюль нагрела. Давай солью.

Капитан снял зеленую рубашку, майку. Торс, широкие плечи офицера походили на капитель коринфской колонны, увитую лозами крепких бицепсов.

Через пять минут капитан навалился на дымящийся на столе в широкой белой тарелке борщ. Когда муж закончил со вторым и принялся за чай, Наташа спросила:

– Что там у вас произошло?

– Ничего.

– Алексей, я ведь чувствую.

– У нас все штатно, а вот в космопорте – нет. Лайнер «Андромедей» упал в Раму. Да, почти двести человек с экипажем. Сорок лет ничего подобного не случилось.

– Но ведь вы не виноваты?

– Формально – нет.

– Как же все случилось?

– Самым глупейшим образом. Произошла встреча человеческой ошибки с неблагоприятной случайностью: капитан «Андромедея» почему-то забыл, что у нас не обычный портал, скорость, как положено, не сбросил, на посадку зашел с опасного направления, а тут Рама возьми и полыхни микровспышкой. Масса у лайнера приличная, попробуй тут в динамике маневрировать, вот «Андромедей» и ухнул в Раму на всем ходу.

– А почему капитан так поступил?

– Может быть, торопился, или решил, что десятки лет тихой Рамы – это гарантия безопасности. Настоящей причины теперь никто не узнает.

– Кто-то остался в живых?

– Да кто там может остаться...

– Я так и знала.

– Не понял. О чем ты?

– Чувствую. Рама просыпается. Всерьез. И скоро эта тьма ударит. Что же с нами будет, Алеша? И на рынке о том же поговаривают.

Наташа знала, чем рисковала. Думала, муж сейчас взорвется, мол, знаю, что ты эфанка, что бабка твоя – вила, но все равно нечего обсуждать базарные сплетни. Но она ошиблась.

– Вы все словно сговорились. Сегодня обсуждали доклад историка из нашего научного отдела. Утверждает, что сейчас заканчивается малый трехсотлетний цикл смены эфанских цивилизаций. А цикл этот связан в периодом активности нашего метапортала. Выводы? Да дрянные выводы.

– И все-таки...

– Слом цивилизации – это крах законов. И тогда начнется шабаш, пир во время чумы для прохвостов, воря, бандитов, торгашей, политиканов и прочей шушеры.

– Вот видишь. Даже историк чувствует...

– Посмотрим. Нас уже триста лет хоронят. А рубеж стоит.

Капитан поднялся, подошел к окну, выходящему на рыжеватую степь. Наташа белыми руками обвила его загорелую шею, прижалась к мужу. Рослая, сильная, красивая, она была ему подстать.

– Алешенька, не надо себя так нагружать. Как на тебя оставил Красин отряд, ты, будто всю Раму себе на плечи взвалил.

– Просто день такой. Тут еще Федор Березин на связь не выходит. Пропал, да еще рядом с городком. А ведь разведчик опытный, четверть века по самому краю Рамы ходит.

– И что теперь?

– Предупредим всех информаторов, искать будем. Федор ведь из таких передряг выбирался...

Осторожно высвободившись, капитан стал собираться.

– Не будем об этом. Давай что-нибудь другое обсудим.

– Хорошо, давно хочу с тобой о Максиме поговорить.

– Что с Максом?

– Дело не в нем. По-моему, нам не следует воспитывать его пограничником. Он уже гала себя воображает. Алексей, пойми, Макс – земной мальчик, он у нас просто проводит каникулы, и здешние привычки и навыки на Земле могут ему лишь навредить.

– А что, девочкой его воспитывать? Пусть будет настоящим мужиком, как его отец.

– Помягче надо с ребенком. С матерью у него сейчас отношения не простые: Ольга собралась замуж за гуманоида, Макс, само собой, это не нравится, оба нервничают, ждут результатов второй экспедиции.

– Зачем? Больше года прошло, ясно, что из первой экспедиции никто выжить не мог.

– Надежда – такая прилипчивая штука, да и гуманоиды – известные формалисты; в общем, Ольга пообещала Макс, что не выйдет замуж, пока не станут известны официальные результаты второй экспедиции на Рогону и окончательно не выяснится судьба отца.

– Хорошо, я учту.

Алексей ушел, а Наташа так и осталась у окна. Улыбнулась, помахала рукой мужу, когда тот спустился с крыльца, и призадумалась. Думала она о том, чего не могла сказать Алексею.

Никогда Ольга не любила Олега Уржумского, брата Алексея, а замуж за него выскочила по молодому озорству и своей легкомысленности: хотелось доказать подружкам, что легко закружит бравого офицера космической разведки в красивом мундире. Это позже Ольга узнала, что за хлеб – жить с нелюбимым человеком, да еще такой тяжелой военной специальности. Впрочем, ставка на богатого гуманоида – из той же оперы: никаких размышлений о будущем и только одно желание – получить все и сейчас.

Отойти от окна и вернуться к диссертации Наташа не успела.

Со стороны леса прямо через рыжую степь к дому приближалась стая громадных черных псов. Они высоко подпрыгивали, мчались в сторону, кружились, резвились всячески и нежно выли. В центре стаи гордо вышагивал Макс.

Вдруг он остановился и задрал голову на пролетающую группу автоэров. Летучие автомобили шли над степью низко – Макс обожал это зрелище, когда так: над самой степью, да на бешеной скорости, да строем, да с посвистом. Звездокрылые двуглавые орлы нарисованы на все днище, выглядят грозно – веришь, худо будет любим демам, когда налетит на них стая этих железных орлов.

Автоэры умчались и пропали за лесом, а мальчишка уже стоял под окном.

– Тетя Ната, они, кажется, понимают меня, – Максим кричал и одновременно трепал по холке большого пса, степенного, с проседью жожака. Три небольших рога на башке жожака выглядели короной. Гордой статью и шнуровой шерстью пес походил на королевского пуделя, только был намного крупней.

– Тебе не кажется, Макс. Ринки действительно все понимают... Фу, Ероша, фу!

Подлетевший со стороны городка волкодав с лаем набросился на рогатых псов. Те не испугались, запрыгали, закружили вокруг беснующегося Ероши, и весь этот лающий и нежно воющий шабаш покатился в степь.

– Тетя Ната, они такие забавные, так здорово играют.

– Ринки любят людей, и они очень умные. Хочешь с ними по-настоящему подружиться?

– Еще бы!

– Тогда подари жожаку, его зовут Рафал, книжку по математике, я тебе подберу. Ринки обожают математические головоломки.

– А можно я еще погуляю?

– Нет, обедать пора, заходи. Я тебе о наших рогатых псах много интересного расскажу – это удивительные создания!

За обедом ей пришлось больше слушать. Наворачивая борщ, Макс подробно рассказал о знакомстве с ринками, не забыл упомянуть и о встрече с разведчиком. Повесть о своих утренних похождениях закончил вопросом:

– А правда, что фелициата может любое желание выполнить?

– Наверное, – не сразу ответила Наташа.

Сперва она собиралась высмеять древнюю легенду о пальме счастья, но внутренний голос вовремя подсказал: не спеши, решение где-то здесь.

Ей давно и активно не нравились попытки мужа воспитывать племянника как пограничника, все эти разговоры при мальчишке о том, что Рама опасна не только демами, но и ласковыми зверушками, и уничтожать нужно любых демонов, иначе произойдет то, что произошло на Земле с гуманоидами. Сперва гуманоидами все восхищались, – умны, добры, трудолюбивы – а потом оглянуться не успели, как практически вся Земля оказалась у них в кармане: начальники – гуманоиды, миллиардеры – они же. Но у гуманоидов хотя бы кровь красная – свои, а демы – чужие, поэтому их надо истреблять безжалостно!

Наташа резонно считала, что для земного мальчишки идеология границы миров просто вредна и на Земле может только повредить его социализации. Теперь же у нее появилась идея, как спасти племянника от романтики войны с чужаками. Ринки помогут, эти разумные эфанские собаки. Надо только найти для них побольше книг по высшей математике.

Прежде чем перешерстить домашнюю библиотеку, Наташа уложила племянника на тихий час. Максим с местным обычаем уже не спорил, но с открытыми глазами лежал долго. Как всегда ему казалось, что он никогда не заснет, и вдруг задремал. Снился ему день отлета на Эфу, и точно так же, как тихий час делил его день на две половинки, тот день разделили его жизнь на две части – школу и лето. Макс улыбался. Ему приснилось, что он проснулся, и от этого смешения снов и жизнью было смешно и радостно.

Проснулся Максим счастливым.

Вскочил. Подошел к окну.

Странно: все как обычно. Все то же серенькое небо с дымчатым горизонтом, все также шумит трасса как раз на уровне их сорокового этажа. И никто из тех, кто сейчас летит в машинах, даже не догадывается, что сегодня ему, Максиму, предстоит.

И почему маме не нравятся автоэры? При хорошем увеличении в их потоке можно разглядеть самые последние модели. Да ей и этаж не нравится сороковой, до сих пор ворчит на выбор отца...

Умылся, почистил зубы, позавтракал Макс очень быстро. Собирая рюкзачок, наткнулся на записную книжку, в которую год назад сочинял план своей жизни. К пятидесяти годам карьера Макса там достигала таких высот, что пришлось запись оборвать – и фантазия не работала, и дальнейшая жизнь не имела особого смысла.

Блокнот полетел в ящик стола, а Макс выскочил в коридор. Из кухни опять потянуло запахом кофе.

– Мама, ты еще не собралась! Мы ведь не успеем!

В космопорт опоздали на целых полчаса, но посадку еще не объявляли. Рейс откладывался, так что времени поглазеть вокруг имелось в избытке.

Громадный многоярусный зал, яркий свет, суэта, обилие эскалаторов, бегущие дорожки, табло, работающее на десятках языков, новизна лиц – Максу все нравилось в космовокзале. Мимо протрусила группка чиновников инкубаторного вида: темные костюмы, белые рубашки, черные кейсы в руках; в вип-зал проследовал в окружении целой свиты рослый гуманоид, к колонне прислонился старатель – джинсы, красная клетчатая рубашка, загорелое лицо и шея, да оловянное спокойствие в глазах.

– Почему не объявляют посадку?

– Скоро объявят, мама.

– Возьми пакет, в нем теплая курточка. Вдруг холодно будет.

– В субтропиках? Сейчас там май – месяц пограничников, между прочим. Ну не плачь, люди вокруг!

– Дура я, дура, и мать плохая. Месяц назад корабль разбился, как же я тебя отпускаю?

– Мама, ты ничего не понимаешь: по статистике звездолеты – самый безопасный транспорт, они на порядок надежней автоэров. Я статью об этом недавно читал.

– Максик, твой отец оттуда не вернулся, теперь тебя провожаю, а ведь клялась когда-то не отпускать.

– Я не разведчик, лечу не на Рогону, а на тихую планету – риска нет никакого.

– Ох, Максик...

– Хватит, мама!

– Все-все, я не плачу, – она вытерла слезы, высморкалась в платочек и достала из косметички зеркальце.

Вскоре началась другая жизнь. На нижнем экране салона голубел громадный шар Земли. Верхние экраны показывали звездное небо.

Макс смотрел на экраны во все глаза. Начиналось первое в его жизни настоящее путешествие.

Глава 3

– Что, Геркулес, тяжело быть героем? По приказу подвиги совершать? Так вокруг, считай, одни боги, они работать не желают, все командовать норовят. А благодарность герою одна – палкой по хребту. Не грусти, Геркулес, угощайся, серый.

Пограничник почесал Геркулеса между длинными ушами и угостил завалившейся в кармане гимнастерки карамелькой. Осел оскалил мощные зубы, счавкал диковинное угощение и благодарно мотнул хвостом.

Имя ему подобрали удачно, оно как нельзя лучше подходило для большого серого эфанского осла. Высота в холке – метр семьдесят, круп мощный, грудь широкая, большая голова. Красавец, а не осел, к тому же в самом расцвете сил. Семь—восемь лет – это как раз тот возраст, в котором осла и совершают свои главные подвиги.

– Понравилась? Извини, конфетный боекомплект закончился, так что подставляй-ка спину. Тюк тяжелый? Терпи, серый, отдыхать на пенсии будем, а сейчас нам бы головы сохранить в этой заварушке. Не удивлюсь, если под конец у меня не только виски, но и вся голова будет под цвет твоей шкуры. Эти голубчики доведут.

Пограничник пристраивал поклажу на спину Геркулеса, а сам присматривался к «голубчикам». Поход на двух внедорожниках закончился вместе с предгорьями, дальше придется пешком, так что самое время изучить всю десятку, тем более, что разгрузкой машин сейчас занимались все бандиты без исключения. Даже красавчик в черной шляпе работал наравне со всеми, он доставал из багажника коробки с патронами.

Из десяти человек настоящих бандитов было только двое. Во-первых, Сураб, биография которого была написана на зверской роже и бритой голове десятками шрамов. Ничего интересного, грубо сколоченная обычная «шестерка». Зато дружок его в черной шляпе так и притягивал взгляд. Звали красавчика Чамп Чернорукий. Имел он славу хорошего стрелка, ловкого шулера и удачливого ловца, еще ни разу не попадавшего в руки гала и милиции. С ним тоже все было ясно: на этот раз Чамп решил сыграть по-крупному.

Куда в большей степени пограничника интересовали остальные члены экспедиции. Восемь человек, все – самые обычные горожане, как говорится, мирные обыватели. Вот с ними имелся хоть какой-то шанс договориться. В конце концов, горожан с бандитами объединила только одна вещь – цель. А этого мало.

Разгрузка двух внедорожников шла быстро; на осле да на своем горбу много в горы все равно не утащишь. Палатки, продукты, утварь, оружие – все необходимое уже лежало на траве. Машины тут же загнали под деревья, чтобы их нельзя было обнаружить с воздуха. Отсюда придется топтать на своих двоих, здесь начинается Северный Гиркангар – каша из скал, рек и озер, через которую и вездеходам не пробиться.

Кто-то из членов экспедиции шутил, кто-то не в меру суетился, но оживленными и даже возбужденными выглядели все: и горожане, и бандиты. Обманчиво близкие горы

сияли голубоватыми заснеженными вершинами. Орала попугаи на цветущих ветках.

Широкий вход в ущелье, словно парадный вход в кладовую горных сокровищ, приглашал, манил пройти к заветным уголкам Северного Гиркангара, прямо туда, где надежно хранилась цель экспедиции. Сейчас, в ясный солнечный полдень, цель эта казалась близкой и легкой доступной.

В общей суете спокойными оставались лишь Геркулес и пограничник. Осел понятно почему не веселился, а оттрубивший четверть века в разведке лейтенант слишком много знал о трудностях искательства, чтобы заранее зариться на шкуру неубитого медведя. Он мог бы много порассказать сегодняшним энтузиастам о том, за какое тяжелое дело они взялись.

Бывало не одни армейские ботинки сотрешь до шнурков, а в итоге получишь или совсем мелкий чуд, или вовсе останешься с пустыми руками.

Впрочем, когда это любители слушали профессионалов, отправляясь на поиски чудов? А ведь никто из них в своей жизни даже пустякового чуда не находил, а тут им сразу подай легендарную сому, сам чуд чудов, известный еще как «вино Рамы».

Любителю проще. Он в жизни чего-то там добился, торговать приноровился или в хитрых железках научился разбираться, и уже почему-то уверен, что может смело отправляться на поиски чудов. Но мало быть хорошим торгашом, чтобы стать высококлассным искателем. Одного ума и ловкости для искательства недостаточно.

Проще любителю и по другой причине: он мало знает. Любитель понятия не имеет на что замахивается, с историей проблемы не знаком и ведать не ведает, что вино Рамы на протяжении последних трехсот лет искали лучшие искатели-профессионалы Эфы, причем вполне безуспешно. А сколько было черных, любительских экспедиций за сомой на протяжении этих трех веков – сотни, если не тысячи – и большинство из них сгнуло в горах и ущельях Северного Гиркангара и следов не осталось. В итоге чуд чудов так никому и не дался в руки.

Теперь сома новые жертвы заманивает в скалистые жернова гиркангарских ущелий. Манит новичков майским днем и несбыточными обещаниями. Уж кто-кто, а пограничник знал всю отраву этой мечты о вине Рамы, сам искал сому уже двадцать пять лет. По хмельной силе эта отравка искательства, наверное, не уступала самому вину Рамы.

Послышалась ругань. Все повернулись в сторону Чампа, который со всей силы пару раз заехал кулаком Сурабу по физиономии, а завершил расправу подзатыльником. Уворачиваться Сураб не стал, от ударов даже не поморщился и продолжал улыбаться идиотом. А Чернорукий занялся пятнами на своей белой рубашке; ее, по всей видимости, и запачкал неосторожно Сураб.

Эпизод сбил градус всеобщего оживления в момент. Горожане поднапряглись, озаботились. Чувствовалось, бандитов они побаивались.

Готовящий поклажу пограничник все это видел, замечал и уже прикидывал, каким образом можно будет использовать этот напряг между разбойниками и обывателями. Последние правильно побаивались Чампа и Сураба, а нужно чтобы боялись еще больше. Надо как-то им растолковать: Чернорукий опасен как любой ловец, да и Сураб не подарок, и если бы суд раскопал о нем всю правду, он из тюрьмы не вышел бы никогда.

– Добрый день, Федор Тимурович. Поговорить надо, – к пограничнику подошел человек лет пятидесяти. В руках он держал пистолет и трехствольный автомат.

– Добрый день, Арнольд Григорьевич. Поговорить никогда не поздно.

После чего оба замолчали, начинать разговор не торопились. Присматривались. Именно Арнольд Григорьевич, а вовсе не бандит в черной шляпе являлся командиром отряда. Пограничник ехал с ним в разных машинах, и поэтому сейчас особенно внимательно изучал организатора похода.

Имидж, если можно так выразиться, командира полностью соответствовал его прозвищу – Инженер. Неприметное лицо, темный пиджак, мятый галстук, вышедший из моды еще двадцать лет назад. Из общего ряда выбивались неожиданные малиновые ботинки, то ли случайные, то ли намекающие: не так прост их обладатель, и является он здесь первым кандидатом в сверхчеловеки.

Инженер протянул автомат с пистолетом пограничнику:

– Возвращаю, Федор Тимурович, как обещал. Начинается настоящее дело, пригодится.

– Не бойтесь? – пограничник тут же забрал оружие.

– Нет. В каньоне вы могли всех нас положить, а вы здесь.

– Мы – гала – не убиваем людей.

– Чепуха! Вы искатель, а это еще та отравка. Поэтому и с нами.

Лейтенант закончил проверку автомата, приладил его на плечо, сказал:

– И все-таки боитесь. В других случаях к гала за помощью не обращаются.

Инженер обернулся на свой отряд и неприметным жестом показал, мол, на эту тему потом.

– Как хотите, – не стал настаивать пограничник, – но вы еще кое-что обещали. Главное для меня сейчас не оружие.

– И об этом позже. Главное сейчас – не забыть про наш уговор. Обещаю и гарантирую: вы получите свою порцию чуд-вина, только помогите нам его отыскать. С Чампом поосторожней, он гала ненавидит – ваши его старшего брата расстреляли. Чамп стрелок известный, недавно он коммерческий чемпионат края по дуэлям выиграл. Впрочем, если дойдет дело до стрельбы, надеюсь, как опытный разведчик вы ему не уступите?

– Посмотрим.

– Тогда что еще?

– Карту бы посмотреть, карты разные бывают.

– На что вы намекаете?

– В эти горы многие с картами чудов приходили, да в горах и сгнули. А почему? Карты были фальшивые. Сами знаете, на наших базарах тебе за десять рупелей продадут и третий глаз Шивы, и кожу Шеша, и волшебную карту Махатрамы со всеми ее чудами в придачу.

– Думаете, я карту на базаре за бутылку пальмовки у какого-нибудь безногого инвалида выменял?

– Посмотреть бы на нее, чтобы зря горы не топтать. Народ не поймет, если кого-то демы сожрут, мы ни за что людей положим, а потом выяснится, что карта поддельная.

Инженер задумался, и пограничник догадывался о чем. Большую для всех чуд-искателей тему затронул Федор. За триста лет колонизации уж слишком много фальшивых карт было сфабриковано на Эфе. Тысячи экземпляров ходили по рукам, сформировался целый бизнес, поэтому владелец самой настоящей чуд-карты всегда сомневался, не искусная ли подделка досталась ему, не стал ли он всего лишь очередной жертвой какого-нибудь несостоявшегося художника.

Это – раз. Два – было куда серьезней. Если в отряде начнутся потери, а карта окажется из сфабрикованных, то отвечать придется хранителю карты и никому другому. Но больше всего боялся Инженер побега. Пограничник мог элементарно сбежать после того как увидит карту с отмеченной на ней месторасположением сомы.

Проанализировав все три свои страха, Инженер открыл висевший на боку кожаный планшет и извлек пергаментное сокровище. Затем он выхватил нож, примерился и отмахнул от карты широкую полосу, которую и протянул Федору.

– Я не привык полагаться на ход событий. Проверяйте, но учтите, что я тоже за свою жизнь много карт видел.

Для начала пограничник закрыл глаза и понюхал карту. Посмотрел на свет, будто червонец на рынке проверял. Попробовал на зуб, на язык. Сплюнул на палец и принялся мусолить край пергамента. Затем, как говорится, от проверки качества носителя информации перешел к самой информации и принялся изучать надписи, значки и рисунки.

– Что скажете? – спросил Арнольд Григорьевич.

– Пергамент настоящий, текстура оригинальная, правильная, даже с зеленой краской все в порядке – настоящий двадцать первый век. Смотрим дальше: язык древнеэфанский, эзотерический, для посвященных. Шрифт классический, пиктограммы стандартные. Придаться не к чему, так что осталось подвести итог.

– И каков он?

– Карта фальшивая.

Произнес Федор свое экспертное заключение не громко, но весь отряд повернулся к нему, как по команде. Оказывается, народ не только делами занимался, но и внимательно следил за беседой командира с пограничником.

– Чепуха!

– Сами смотрите. Видите значок? Это шахматная ладья, ею на картах обозначают башни древних эфанцев, таких башен много сохранилось в Восточном Гиркангаре. Вспомните их вид – это семь этажей и плоские крыши, высланные плитами из отполированного гранита, так что башни замечательным образом видно и с автоэров, и из космоса. Увы, таких башен в Северном Гиркангаре отродясь не было. Их стали строить после великого переселения народов на восток.

– Откуда вы можете это знать?

– Хорошо помню снимки Пограничья со спутников. В Северном Гиркангаре башен нет, следовательно, карта – подделка.

– Ерунда, сома как раз и находится в одной из... – Инженер резко оборвал фразу, повернулся и стал созывать народ на совет отряда.

Когда Арнольд Григорьевич изложил черным искателям мнение разведчика о карте, те не на шутку озаботились. Не понравилась им ситуация с северными башнями, но высказываться никто не спешил. Тем временем Инженер открыл планшет, приготовил листок бумаги и ручку, дабы делать необходимые пометки по ходу обсуждения, и можно было только предположить, сколько производственных совещаний он провел на различных фирмах за свою жизнь.

– Какие будут конструктивные предложения?

Чамп взорвался сразу:

– Давай я этого гала на месте шлепну! Все равно этим закончится. Зачем мы его вообще взяли, чтобы он здесь воду мутит? Да он нам поход сорвать хочет.

Вторым выступил рыжеватый гигант по прозвищу Мельник. Говорил он много, но невнятно, не рассуждал, а мямлил о том, что по фальшивой карте идти нельзя, мало ли в какую ловушку она может завести, но и не идти нельзя, а вдруг что-то в итоге найдется интересное. В таком же неопределенном духе высказалось еще несколько человек. Никто рисковать своими шкурами просто так не собирався, но все готовы были рискнуть по делу.

Подвел итог Инженер. До башни, где спрятана сома, далеко, путь к ней трудный, тяжелый. Шагать туда без уверенности в карте не стоит, рисковать надо по-умному. Но башен на карте обозначено несколько, а до ближайшей из них всего полдня ходу, поэтому к ней и нужно поторопиться. Если в указанном месте найдутся или развалины, или хотя бы фундамент не замеченный с орбиты, значит, с картой все в порядке, она правильная, и можно смело поворачивать на север. В конце концов, на проверку истинности карты, на которую поставлены их жизни, можно потратить полдня. Все.

Народ одобрительно зашумел. На лицах читалось: «толковый у нас командир!»

– Все по делу, – высказал общее мнение Чамп и продолжил о своем, – а на тот случай, если на указанном месте мы найдем хотя бы один кирпич, у меня есть предложение.

– Какое? – Инженер приготовился зафиксировать на бумаге предложение бандита.

– Пограничника как провокатора прямо на фундаменте и расстрелять.

– А если следов от фундамента не найдем и наша карта фальшивая, что тогда? – ехидно ввернул кто-то вопрос.

– Тогда... – и пока Чамп думал, за него закончил Сураб.

– Тогда повесить.

Никто не ждал такой прыти Сураба – отряд лег от хохота, а Инженер, согласно кивнув, буркнул: «Хорошо, так и запишем», и аккуратно записал поступившие предложения в протокол собрания, причем так и не было понятно, то ли шутит он, то ли нет.

Поход за чуд-вином стартовал.

Геркулеса у Федора отобрали, поставив погонщиком к ослу молодого чернявого парня. Пограничник что-то пытался пареньку объяснить, но тот зыркнул из-под челки черными глазами, сверкнул диковатым, как у зверя, взглядом и потащил осла вперед. Звали парня Артуром, но свои называли его исключительно Мальцом. У черных искателей вообще было принято использовать клички. Во время подготовки экспедиции за чудами правила конспирации требовали отказа от настоящих имен, а в горах уже работала привычка.

Командир осмотрел отряд, убедился, что все готово, и скомандовал движение. Народ двинулся, малиновые ботинки замелькали в сторону авангарда, и тут же поход за чудами закончился едва начавшись.

Заартачился Геркулес. То ли тяжелая поклажа ослу не понравилась, то ли чего еще, но он сделал два шага и уперся как вкопанный. Как ни уговаривал его Артур, как ни тянул за узду, ни толкал сзади, как заглохшую машину, – все зря. Осел не двигался с места.

Первыми на помощь подлетели Чамп с Сурабом. Красавчик, не долго думая, с разбега пнул ногой животное в зад, на что осел нервно отлягнулся, попав копытом прямо Сурабу в колено. Другой от такого удара взвыл бы, по земле принялся бы кататься, как футболист, а бандит даже не поморщился.

– Малец, что тебе можно поручить? – залепил он парню подзатыльник. – С ослом не справишься!

– Скотина, что с нее взять.

Пока Чамп препирался с неудачливым погонщиком, Инженер задумчиво рассматривал серого. Видимо, размышлял, какую такую шестерню надо поправить этому заклинившему ушастому агрегату. Ну не лекцию же ему читать, мол, люди за чудами отправились, дэвами, планетными богами решили стать, а ты, серая скотина, рушишь великие планы.

Арнольд Григорьевич, наверное, уже собирался открыть совещание по проблеме осла, когда к Геркулесу подошел Федор. В первую очередь он снял со спины животного верхний рюкзак, показал его серому, после чего забросил рюкзак на плечо. Затем наклонился к длинному уху и принялся что-то нашептывать. Вдруг осел кивнул, словно согласился с чем-то, и двинулся в подъем.

– Тимурыч, а что ты сказал Геркулесу? – не утерпел, спросил чернявый парень.

– Секрет.

– Скажи, Тимурыч, вдруг опять упрется.

– Хорошо, но только между нами.

– Мамой клянусь – никому.

– Я шепнул Геркулесу, что он настоящий герой, самый крутой осел в галактике. На ослов такие слова действует безотказно.

– Шутишь?

На этот раз пограничник не ответил, лишь жестом показал, мол понимай как знаешь.

За очередным холмом отряд втянулся в ущелье, и картина мира резко переменилась. Ласковой зелени не осталось и в помине, вокруг громоздились в изломах и разводах скалы. Внизу клочкотала, гремела по камням река, высоко вверху, в стальных небесах парили стервятники – добычу высматривали. С гор налетел ледяной ветер, нагнал тучи. Зарядил дождь, а следом лупанул и град. Надавал искателям чудов подзатыльников и снова сменился дождем.

От утреннего оживления на лицах не осталось и следа. Приходится пробираться через грозное ущелье, горизонт перекрыли высоченные горы, карта сомнительна, холодная вода лезет за шиворот, да и вообще неизвестно, доберется ли хоть кто-нибудь до заветной чуд-цели, и существует ли в реальности эта цель.

Понемногу дождь стих. Выкатилось из-за туч рубиновое солнце и припекло так, что пар повалил от промокшей одежды. Народ повеселел, и пограничник решил: сейчас самое время

поговорить с Инженером, тем более что малиновые ботинки мелькали совсем рядом. Разговор имел для Федора особую важность.

Вчера должна была рожать старшая из четырех дочерей Федора, пол ребенка она заранее не выясняла, – против местной приметы не пошла – вот Федор и хотел узнать, появится наконец-то у них в семье еще один мужик, или по-прежнему жить ему в бабьем царстве. У пограничника с Инженером был уговор, что тот обязательно позвонит в Дварику и все разузнает, так что Федор имел полное право напомнить о своем интересе. Что Федор мечтал о внуке, в отряде уже хорошо знали – лишь на эту тему пограничник беседовал с удовольствием, и поэтому все были в курсе его семейных обстоятельств. Две дочки у Федора были от первой жены, две от второй, а вот дедушкой он должен был стать только вчера.

Когда пограничник напомнил все эти обстоятельства Инженеру, тот поспешил его успокоить:

- Обязательно позвоню и выясню.
- Имя не забудьте спросить, должен быть мальчик.
- И имя спрошу, не беспокойтесь.
- Звонить когда будете?

Вместо ответа Арнольд Григорьевич энергично замахал руками, мол, «обязательно позвоню, не волнуйтесь!» и зачастил совсем на другую тему. Для начала он засыпал пограничника комплиментами, назвал его знаменитым искателем, известнейшим специалистом по чудам и особо подчеркнул, что высоко ценит Федора как отмеченого, а его необыкновенный дар чують демов еще ох как пригодится возле киселя. Елей лился ведрами: «вы человек слова, а это так редко встречается в нашем гнилом двадцать четвертом веке», «для вас слово важнее денег, отсюда и репутация достойнейшего человека». Надо сказать, психологом Арнольд Григорьевич был не важным, собеседника не чувствовал вовсе, явно придерживаясь сочиненного плана разговора, и это в то время, когда пограничник давно заскучал от его коммивояжерского напора.

А Инженер продолжал разглагольствовать о том, что пусть он и не военный человек, но тоже не бандит, а гражданин Эфы, а настоящим патриотам Эфы надо держаться заодно и за Черноруки вместе следить. Чамп – бандит опасный, но и только, а вообще-то он пижон и шушера, такому не понять весь дурман искательства, такой не станет десять лет рыться по храмовым библиотекам в поисках заветной карты. Примитивный тип, которого кроме результата ничего не интересует.

- К примеру вы, Федор Тимурович, если отыщем чуд-вино, захотите стать дэвом?
- Нет.

– Вот видите! Для меня это тоже не главное. Да, представьте себе! Власть не самоцель, но это способны уразуметь только избранные. Мы, элита, это понимаем, а уголовникам сие не дано. И вообще, бандиты нам нужны только на определенном этапе искательства. Всего-то. А после определенного этапа... Ну, я уверен, вы меня правильно понимаете.

Инженер быстро ушел вперед, только ботинки замелькали, и он не услышал, как пограничник буркнул в ответ:

- Понимаю.

Судя по выражению лица, Федор окончательно понял, что его здесь, во-первых, принимают за дурака, а во-вторых, ни в какую Дварику Инженер звонить не собирается.

– Гала не такой уж идиот, зачем ты ему карту показал? – спросил Чамп догнавшего его командира.

– Идиот, иначе бы с нами не пошел, а сбежал бы давно. Обычный тупой служака, да и по клочку карты невозможно определить местоположение сомы. Не волнуйся, ему с крючка уже не сорваться! Он искатель, для него главное в жизни – сому найти. Смешно.

- Что?

– Один хочет стать дэвом, другой заявляет, что дэвом становиться не собирается, а в итоге все одной толпой бегут, вывесив языки, за чуд-вином, как кобели за течной сукой.

– Причем не понятно, кто в толпе командир, – слова эти Чамп произнес с нескрываемым сарказмом.

– Ты о чем?

– Какой-то лейтенантишко меняет нам маршрут, мы идем не туда, куда собирались, вот я и не пойму, кто у нас в отряде главный. Так и опомниться не успеешь, а тобой пограничник командует. Может, сразу его пристрелить все-таки?

– А сможешь?

– Ты сам говорил, что он вчера стал дедом. Чтобы я дедушку не пристрелил? Да запросто.

– Дедушка этот не с завалинки свалился. Двадцать пять лет в искательстве и разведке, а живой до сих пор. Сечешь? Его демы за четверть века не смогли сожрать, а ведь по краю ходит. Это же товарищ Березин. И еще неизвестно, кто из вас двоих лучше стреляет. У пограничников свои, особые методы стрелковой подготовки, недаром их стрелкам запрещено участвовать в дуэльных турнирах вместе со штатскими. Поосторожней с ним, не забывай, перед тобой отмеченный.

– Сураб тоже отмеченный, а идиот тот еще.

– погоди ты, Чамп, имей терпение. Этот гала демов чувствует, а нам к киселю шагать. Получим сому, уйдем от Рамы, вот тогда и делай с ним что...

Договорить Инженеру не дали. Подбежал один из горожан и, указывая в сторону арьергарда, пожаловался:

– Забастовал, гад, идти не хочет.

Пришлось им поспешить к остановившемуся отряду. Осел к очередной заминке экспедиции отношения не имел. На этот раз роль Геркулеса взял на себя пограничник.

Рюкзак он бросил к ногам, руки скрестил на груди, взгляд направил куда-то на юг, в сторону дома. На подошедшего Арнольда Григорьевича пограничник не отреагировал вовсе, будто не видел его, зато Чернорукому ответил мгновенно. Когда подскочивший Чамп сунул ему пистолет в лицо со словами:

– А пулю?

– А в морду? – поднес разведчик кулак под нос бандита, после чего замолчал окончательно. На суету, закрутившуюся вокруг него, внимания не обращал.

Арнольд Григорьевич сразу догадался о причинах стоячей забастовки и в свое оправдание целую речь закатил. Мол, он понимает, что старшая дочь вчера должна была родить первенца и хорошо бы узнать, как все прошло, но и Федор должен понять: любой звонок опасен для отряда, их ищут, сигнал могут засечь, и через час тут уже будут автоэры пограничников. Да, погорячился он со своим обещанием, с кем не бывает, но звонить, как по уму, нельзя. Рискованно.

Разведчик по-прежнему стоял отвернувшись, на слова не реагировал.

Тогда Инженер подозвал к себе всех членов отряда, отобрал у них давным-давно выключенные комкомы и принялся методично бросать аппараты с крутого обрыва в реку. Зашвырнул последний и показал пограничнику пустые руки.

– Вопрос закрыт, связи нет и не будет. Теперь при всем желании никто не сможет позвонить. Так что упрямитесь бессмысленно, надо идти.

Но и на эти слова Федор не обратил внимания и с места не сдвинулся. Молчали долго, и первым не выдержал Инженер. Выхватив из внутреннего кармана комком, он показал его забастовщику.

– Этот аппарат на самом деле последний. Моя личная разработка. Засечь его трудно, поэтому рискну. Только ради вас! Есть у меня в Дварике свой человек, он все разузнает.

Став рядом с пограничником, чтобы тот слышал разговор, Арнольд Григорьевич позвонил, объяснил, что ему требуется и уже через десять минут получил обратный звонок. Связь была отвратительной, горы все-таки, но самое главное выяснить удалось.

– Поздравляю! Роды прошли успешно, теперь вы дед, – поспешил обрадовать Федора Инженер.

– Что-то я не разобрал имя. Как назвали?

– Саша.

– Внук? – с надеждой спросил Федор.

– Разумеется. Мальчик! – после еле заметной паузы ответил Арнольд Григорьевич и поспешил зашвырнуть комком в воду. Коммуникатор шлепнулся на валун и разлетелся на осколки. Отряд двинулся в путь.

Шагу чуд-искатели прибавили, они торопились уйти подальше от места звонка и разговора с Дварикой. Побаивались, а вдруг звонок все-таки пограничники засекали, и тогда над головами того и гляди закружат звездокрылые двуглавые орлы. Ожесточились лица и по причине потери комкомов. Все хорошо понимали, что это означает. Сожжен мост, теперь – сломал ногу, получил ранение – помощи не попросишь, начинается игра на выживание. Из всего отряда довольными выглядели двое – Федор и почему-то Чамп. Похоже, только их не смущало то, что они остались один на один с целой горной страной.

За поворотом ущелье расширилось, скалы вокруг громоздились совершенно фантастических форм, а впереди открылся вид на сияющие вершины Северного Гиркангара.

Люди смотрели на горы, но и горы смотрели на людей. Скольких гордых пылинок они видели у своих каменных подошв. Пробегутся муравьиной цепочкой, погрозят кулачками небесам, и сдуло ветром времени ничтожные пылинки, словно их и не было вовсе.

Пограничник держался в хвосте отряда, рядом с Геркулесом и ведущим его чернявым парнем. Думать хотелось Федору о родившемся внуке, но он заставлял себя размышлять совсем о другом, снова и снова присматриваясь к неожиданным своим товарищам. Бесконфликтных походов за чудами не бывает, и хорошо бы на кого-то опереться, когда заварится каша.

С бандитами все ясно – враги, такие до упора пойдут. С горожанами иначе, у тех все по-разному, но видно у каждого своя червоточинка в душе имелась, раз в поход за чудами отправились, раз в дэвы захотелось выйти.

Меньше всего Федор рассчитывал на Инженера. Фанатик, организатор похода, командир и самый бесполезный человек. Мнит себя сверхчеловеком и без пяти минут дэвом, всех остальных считает дурачками, пешками в своей игре, так что подлость от него можно получить в любую секунду.

Рядом с Инженером шагает Мельник. Он и держится сразу за командиром, и фактически является замом Арнольда Григорьевича, его правой рукой. Любопытная фигура. По виду – рыжеволосый гигант, а присмотришься: выше пояса тело сужается, плечи непропорционально узкие – баба и все тут. А волосы? Не рыжие вовсе, а так, рыжеватые. Все в полмеры вылепила природа. Гигант, но только до пояса, рыжий, но наполовину, так что в итоге получился полурыжий полугигант. Иллюстрация на тему: что получается, когда за работу природа получает деньги вперед. Да и над характером Мельника природа подшутила, вложив в человека с обликом добродушного богатыря истерический темперамент. Получился дуб с характером спички. На такого не опереться.

Кто еще? Бухгалтер со своими двумя молчаливыми друзьями? Плотник? Трубоч? Эти запуганы Инженером до смерти. Застращали мужиков, да и они сами отлично знают, что за черное искательство по головке не погладят. Боятся они и гала, и властей, и Чампа. Совесть у них затруднительно найти, страх ее проел.

Как ни присматривался Федор к горожанам, а выходило, что только чернявый парень – Малец – мог перейти на его сторону. Молодой, дикий блеск в глазах Мальца еще не погас,

душа не засохла, до такого еще есть шанс достучаться, что-то объяснить. Да вот беда, именно Малец и являлся тем информатором, который обещал рассказать о готовящейся чуд-экспедиции, а в итоге сдал самого пограничника, заманив его в Порченый Каньон под стволы черных искателей. Свое предательство он пограничнику не простит.

Итог получался неутешительным. На данный момент и в перспективе Федор мог найти общий язык в отряде только с ослом.

Объявили привал. После еды, когда все упали на траву, зашла речь о том, что каждый из них станет делать, когда при помощи сомы обернется дэвом. От этой темы больше всех возбудился Мельник. Мечтал он о бабах. Двадцать штук и ни одной меньше собрался он себе завести. «Двадцать баб» – эти слова он повторял снова и снова, будто в них заключалась некая магия, а в итоге так разволновался, что его волосы загорелись на миг настоящей яркой рыжиной.

Размечтались и другие горожане. Их фантазии крутились вокруг двух вещей – бабы и деньги, а заминка случилась на Артуре.

– Малец, а тебе сколько баб нужно для счастья? Или тебе за одной бы уследить? – спросил Мельник.

Вопросы на первый взгляд звучали невинно, а парень вскинулся, чуть не бросился с кулаками на Мельника, но все-таки сдержался, отошел в сторону и стал быстро отжиматься. Из черных искателей Малец был единственным, кто делал физзарядку в походе.

Треп продолжился обычным порядком, но Инженер в нем не участвовал. Отсев в сторону, он изучал карту. Может быть, думал о том, что вечером решится судьба и карты, и всего предприятия. Найдутся на указанном месте развалины башни, значит, древняя карта правильная и дорога к чуд-вину открыта. Не найдутся... впрочем, об этом командир отряда думать как раз и не желал, а желал действовать, поэтому и скомандовал «подъем».

Но здесь снова заупряился Геркулес, и как ни тянул его за узду Малец, уперся – не сдвинуть. Увидев двинувшего в его сторону Чампа, парень взмолился:

– Помоги, Тимурыч.

– Да ты сам справишься.

– С этой скотиной? Никогда.

– Не жалею добрых слов, шепни Геркулесу, что он самый геройский осел галактики. Поможет.

Парень с недоверием посмотрел на Федора, затем на приближающегося бандита в шляпе и наклонился к длинному уху. Раз прошептал «заклинание», второй – Геркулес с места не сдвинулся. Когда же слова о самом героическом осле вселенной прозвучали в третий раз Геркулес вдруг гордо задрал башку, лихо крутнул хвостом и рванул вперед, так что раздосадованному зряшной пробежкой Чампу оставалось только отвесить подзатыльник дружку Сурабу.

С этого момента пограничник с Артуром стали держаться вместе. В парне Федор не ошибся, тот еще не потерял молодого любопытства в отличие от других горожан. Еще во время поездки на внедорожнике пограничник заметил, что тех вообще ничего не интересовало кроме сомы и будущих от нее выгод. Начало похода лишь закрепило данное впечатление. Горожане напоминали Федору дворовых псов, которым посчастливилось найти мусорный бачок. Псы симпатичные, не звери, но забрались они в бачки, роют, шерудят – только хвосты торчат. Потом наслаждаются на солнышке, вспоминают мусорные находки, а набросают свежих объедков, так снова с головой в бачок. Так и горожане. Люди нормальные, не плохие, но ушли с головой в свои бачки и заботы, а что вокруг и в упор не видят. Все интересы – деньги, девки, сома. Разговор вильнул в сторону, и глаза сразу стекленеют.

Наплевать было горожанам на опыт и знания пограничника, один Артур его слушал с интересом, а потому и вызывал симпатию. А Федору имелось о чем порассказать, кстати, о той же соме он знал практически все.

Именно здесь, в горах Северного Гиркангара жрецы древнеэфанской цивилизации тысячи лет тому назад научились выделять вино Рамы – таинственный напиток, дарующий людям божественную силу дэвов. Погибли секреты жрецов вместе с древней цивилизацией, дюжина веков прошла с того времени, и за эти века некому было интересоваться секретами сомы. Здешний апокалипсис случился четыре трехсотлетних цикла тому назад. Тогда границы портала резко расширились, и в мир хлынули орды демонов, что само по себе страшно, но не смертельно. В прошлые циклы древние эфанцы отбивались от демонов и хтонов вполне успешно. Но на беду рамоизвержение совпало со смутой, всеобщим раздраем, междоусобицей и общим цивилизационным кризисом. В итоге люди на планете были уничтожены, цивилизация сгинула, а победившие демы через систему порталов рассеялись по галактикам. На Земле тогда шел двенадцатый век.

В двадцать первом веке, когда была открыта портално-фрактальная структура вселенной, в самом его конце, на Эфе снова появились люди – переселенцы с Земли. И почти сразу они включились в поиски волшебной сомы. Легенды о чуде чудов не погибли, они остались запечатленными в свитках и камне, меди и золоте, и новоявленные искатели тут же принялись за поиски напитка богов.

Конец двадцать первого века – веселое для планеты время. Дикая колонизация, жизнь по законам Кольта-Калашникова. Золотое времечко для искателей чудов, эпоха хаоса и дикой свободы. Именно тогда черные искатели разграбили большинство древних храмов, а многие удивительные по своим свойствам чуды были похищены, вывезены с Эфы и распроданы. И именно в то время древняя легенда о соме ожила и чуть было не направила всю здешнюю историю в другое русло. Тогда на Эфе только-только появился пограничный отряд, время прежней вольницы заканчивалось, и так совпало, что именно в этот переломный период на планете объявилась шайка особо удачливых авантюристов, горстка дерзких ловцов удачи, прибывших сюда на поиски сомы и прочих чудов.

Когда пограничник дошел до этого места своего рассказа, он спросил Артура:

– Ты о Суграмской бойне слышал?

– Учили что-то в школе.

– Понятно, тогда слушай. В этой истории до сих пор много неясного, в ней сам черт ногу сломит.

И пограничник перешел к самому интересному и загадочному эпизоду из истории эфанского искательства.

Случилось это, когда первые пограничники под командованием легендарного полковника Баргузинова уже полным ходом наводили на планете порядок. Тогда же кучка авантюристов отправилась в горы на поиски чуд-вина, заветной сомы. Сборищу ловцов, шулеров, бандитов и проституток захотелось стать дэвами, планетными богами – обычная для той эпохи история, ничем не примечательная. Удивительно другое – им это удалось! Десятки официальных, лицензированных экспедиций ничего не отрыли, а прохвосты сому отыскали и с ее помощью стали дэвами. Так что в один не самый прекрасный момент на Эфе объявился целый пантеон планетных богов.

Только вот боги из них получились какие-то склочные, вздорные. Чудеса творили новоявленные дэвы сомнительные, друг с другом постоянно ругались, и со всем своим сверхмогуществом они даже планету под себя толком не подмяли, увлекшись оргиями и всякой ерундой. То ли сому нашли они некачественную, то ли будучи молодыми и неопытными дэвами не знали, куда силы девать, но в итоге закружились их головы от безграничных возможностей и потеряли они всяческую осторожность. К тому же обидеть на Эфе многих успели, иначе пограничники никогда бы не узнали о тайном пире, который дэвы решили устроить в Суграме, древней столице Эфы.

Повестка пира состояла из двух пунктов. Пункт первый – подписание мирового соглашения между дэвами. Пункт второй – праздничная по этому случаю оргия. Ко второй части и подоспел отряд пограничников, в момент превратив Суграмский пир в Суграмскую бойню. Бойцы полковника Баргузинова тогда ни с кем не церемонились. Дем ты, дэв, настоящий бог или только летать умеешь – разговор короткий – к стенке. Вооружение у баргузиновцев, разумеется, было не чета нынешнему, слабенькое, зато тогда чуды на Эфе имелись в избытке. А когда у тебя в ножнах чуд-меч, а на плече

чуд-гранатомет, можно смело выходить на бой с любыми дэвами.

Так что кровавой получилась праздничная оргия. Пограничники захватили дэвов врасплох и расстреляли всех до единого, весь пантеон. Это известно достоверно. А дальше начинаются сплошные загадки.

Наверное, есть какой-то высший закон, по которому нельзя безнаказанно расстрелять даже никчемных дэвов. Будто кто-то наверху обижается. Убивая хмельных дэвов, баргузиновцы ни о каких таких законах не думали и даже на миг не догадывались, что ни один из них домой живым не вернется. Операция-то протекала достаточно легко, почти без потерь, хотя и не без странностей. Одному из суграмской шайки все-таки удалось улизнуть, причем не дэву вовсе, а их слуге. Загадка, если задуматься не маленькая. Могущественные дэвы полегли все, а какой-то лакей умудрился удрать, выбравшись из-под шквального огня. Каким образом? Бог весть. А куда делась имевшаяся при дэвах сома, с которой они, что известно достоверно, никогда не расставались? Понятно, чуды такая вещь, что пропадают без следа когда можно и когда нельзя, а тут суматоха боя, но все-таки? Сому мог унести сбежавший слуга дэвов. Но в этом случае возникает следующий вопрос: почему он чуд-вином не воспользовался? А не воспользовался точно, ведь появление на планете нового дэва незамеченным не осталось бы. Что за странный лакей, который не захотел стать планетным богом? И как он вообще выжил при внезапной атаке штурмового отряда пограничников?

Темная история, загадочная, но цветочек по сравнению с финалом Суграмской бойни. При обыске древнего дворца штурмовой отряд таки обнаружил какой-то неизвестный чуд. На базу даже успели сообщить, что нашли некий светящийся шар, после чего связь резко и оборвалась. Позже выяснилось: в этот момент во дворце рвануло так, что во всем Суграме и в радиусе нескольких километров не осталось ни одной живой души. Долго потом ученыековырялись на месте взрыва, но толком так и не разобрались. Бабахнуло что-то типа шаровой ляды, но только невиданной силы, а образовавшаяся на месте взрыва порченная ляда потом еще лет двести выветривалась.

Свидетелей не осталось вовсе, что способствовало появлению тысячи выдумок и мифов. А тут еще через двадцать лет после Суграмской бойни непонятным образом сторели архивы со всеми записями переговоров штурмовой группы. В итоге остались развалины древней столицы да суграмская легенда о сбежавшем с сомой слуге дэвов и найденной отрядом неизвестной хрени, от которой отряд и погиб. Что нашли пограничники, что рвануло тогда в Суграме, теперь уже не узнать. Триста лет прошло, а дэвы на Эфе с тех пор так и не появлялись, и сому больше никто не находил.

– Интересно, а почему я в школе ничего из этого не запомнил? – спросил Артур, когда пограничник закончил рассказ.

– Ну, в школах умеют, – неопределенно ответил Федор.

Он сам всю эту информацию отнюдь не из школы вынес. После Суграмской бойни кто только ни искал чуд-вино, и где только ни искали, но все зря, будто вся планетная сома досталась той самой банде дэвов. Пусть после них сому никто на Эфе не видел, но все триста лет ее активно пытались найти. Еще бы – дарующий силу дэва чуд чудов, посвящающее в планетные боги волшебное вино. Сотни исследователей и просто сумасшедших посвятили жизни его поискам, за три века на тему чуд-вина написаны тысячи книг, да и сам Федор почти четверть

века сому искал. Впрочем, ему это и положено как искателю – работа. Поэтому и во всех храмовых библиотеках рылся, обошел почти весь Восточный Гиркангар и везде находил упоминания о вине Рамы, чувствовал, оно где-то рядом, а чуд чудов так в руки и не дался. Отсюда и интерес к их экспедиции, и недоверие к карте Инженера, уж больно много Федор видел подобных карт.

– Я Арнольду верю, – буркнул Артур в ответ на сомнения пограничника.

– Почему?

– Мне нужно стать дэвом. Очень нужно.

– Серьезный аргумент.

– Очень серьезный, – сверкнул глазами парень, – ради сомы я на все готов. Зубами буду землю грызть, в горло любому вцеплюсь, но дэвом стану. Мне надо! – слова парень произносил серьезные, а интонации звучали почему-то плаксивые, ноющие, пацанячьи.

– Землю грызть – это хорошо. А зачем? Ты, я вижу, как все – хочешь быть не таким как все.

– А что может быть лучше? Каким надо быть?

– Подумай.

– Подумал. Не хочу быть быдлом. А вот тебе зачем, Тимурыч? Мог бы смяться давно, а вместо этого за нами увязался. Дураку ясно: Чамп тебя приговорил, а тебе хоть бы хны. Странно, что он тебя еще в каньоне не грохнул. А за каньон прости, Тимурыч, выбора у меня не было, по-другому мне сомы не видать! Вы, гала, все себе гребете, шиш от вас получишь, а не чуд-вино. А мне нужно стать дэвом! В конце концов все обошлось: ты живой, и даже с нами отправился. Правильно, дэвами все хотят обернуться.

– Не угадал, Артур. В отряде есть двое, кто ни при каких обстоятельствах не станет дэвом.

– Даже двое?

– Геркулес и я. Такие мы ослы, не желаем в боги.

– Тогда зачем тебе сома?

– Начальству отдам, ему видней, что делать с чуд-вином.

– А начальство тебе за это медальку, а то и орден. Поздравляю!

– От ордена не откажусь, да и от медали тоже – внуку будет с чем играть. Мне еще дочерей поднимать, куда мне в дэвы.

– А начальство с сомой что делать станет?

– Мощный чуд всегда пригодится для борьбы с теми же демами. Ха, о волке речь...

Федор сорвал автомат с плеча и дал очередь по верхушке одной из дальних скал.

Отряд остановился, народ завертел головами, а на выстрелы уже торопился Инженер. Когда он подбежал, Федор повторил очередь, после чего стал внимательно оглядывать и соседние каменные вершины.

– Что случилось?

– Демы объявились, крадутся следом за гребнем.

– Стрелять тогда зачем?

– Острастку надо дать. Демы слабые, а предупредить все равно не помешает.

Из всего отряда засомневался в словах Федора только Чамп. Но не поверил он пограничнику, а набросился на командира:

– Что ты этот бред слушаешь? Он тебе голову морочит, цену себе набивает. До киселя далеко, откуда здесь демы? Что им делать в такой глуши? И по скалам как они пройдут?

Спорить Инженер не стал, просто отмахнулся от вопросов Чернорукого, и отряд возобновил движение. Из авангарда командир перебрался поближе к пограничнику, а вскоре и вовсе его притормозил, явно собираясь поговорить без свидетелей.

До указанного на карте места оставались считанные километры. Конец ущелья уже просматривался, а именно там, справа от выхода из ущелья, и находилась искомая точка.

Инженер крепко надеялся: хотя бы фундамент древнего сооружения там найдется, что подтвердит истинность его карты, но разговор собирался вести не о том. Когда проверят карту, будет не до бесед, начнется конкретная борьба за сому или за свою шкуру, либо за то и другое разом, и хорошо бы перед этой неизбежной борьбой укрепить свои позиции в отряде. Вот о чем болела у Инженера голова, и поэтому он начал разговор с комплиментов Федору и его дару и заверений, что он, в отличие от Чампа, не сомневается: стрелял Федор не зря, и демы действительно следуют за отрядом.

Подмазав собеседника комплиментами, Инженер перешел к запугиванию. Страшал он Чампом, который, конечно, клоун в шляпе, но тип достаточно опасный, все-таки стрелок, да и коэффициент интеллекта у него под сто пятьдесят. Не забыл упомянуть и Сураба – тоже не выпускница на школьном балу, а садист, причем тот еще. Таким образом Инженер и подвел Федора к нужной мысли:

– С тобой нас, нормальных, девять человек будет, а против всего двое – идиот и шут. Неужели не управимся, Федор Тимурович?

– Посмотрим. А зачем ты бандитов вообще взял?

– В Северном Гиркангаре без хорошего стрелка нельзя. Здесь много всякой нечисти – сожрут.

– Понятно.

– Ты как отмеченный демов вовремя почувешь, Чамп за пистолет возьмется, так и до сомы доберемся.

– Понятно.

Пограничник редко позволял себе иронию, но на этот раз настолько не смог ее скрыть, что даже до Инженера дошло – заврался. Тогда он решил пока не поздно сыграть в откровенность, да и почему бы ни раскрыть карты, когда они, похоже, и так всем известны.

План Арнольда Григорьевича оказался прост. Такую змею как Чамп на груди пригреть страшновато, с ним вся восьмерка горожан может не управиться, зато он люто гала ненавидит и сделает все, чтобы сома тем не досталась. Федор в свою очередь вряд ли обожает бандитов, да и со стрелковой подготовкой у него полный порядок, так что теперь в отряде полный баланс.

– Равновесие, значит, – подвел Федор итог откровениям командира.

– Я опытный наладчик, а в механизмах главное что? Баланс сил.

– Конструкция понятна: мы с Чампом бодаемся, а сверху нас за ниточки дергают, направляют, так сказать.

– Ради вас же, чтобы друг друга не перестреляли и каждый свою функцию исполнял. И так в отряде уже готовы ставки делать, спорят, кто из вас другого пришьет, кто лучше пистолетом орудует – стрелок или пограничник. А вы отряду оба нужны, только так большая часть сомы не достанется ни бандитам, ни пограничникам.

– Тонко рассчитали.

– Души людские – те же механизмы, их только подогнать друг к другу надо правильно, все психологические шестеренки смазать и настроить. Смотрите, как красиво получилось! Чамп мне помог вас захватить, засаду устроить, без него мы бы не справились. Вы как разведчик и отмеченный поможете отряду от демов отбиться, а заодно Чампа нейтрализуете. Все сошлось как в удачно сработанном механизме.

– Поздравляю.

– Я привык в наладке разбираться с неожиданными устройствами. Главное в них – баланс, гармония. И с людьми так же: надо четко выстроить интересы, рассчитать механику, и тогда делу пригодятся и умные, и глупые, и святые, и бандиты. Лишь бы приманка имелась, а перед такой жирной приманкой как сома никто не устоит, любой на нее клонет.

– Вам-то она зачем?

– Разумеется, не для того, чтобы мне морочили голову двадцать баб. Моя цель настоящая.

Здесь Арнольд Григорьевич заговорил горячо, с настоящим чувством, как говорят о заветной мечте. Будущее Эфы – вот что его вдохновляло. Хватит планете жить по указке Земли, Эфа не должна быть колонией, а она на данный момент и есть практически колония, отсталая, забытая, словно застрявшая в двадцать первом веке. О чем говорить, если народ Эфы до сих пор ездит на ослах и автомобилях, как в каком-то средневековье. Автоэры только для силовиков и начальства, обычному гражданину они недоступны, торговля с другими планетами практически перекрыта, таможенники свирепствуют, а чтобы улететь с планеты надо анализы сдавать, какие-то справки получать – граница! Дем ее побери.

Хватит. Эфа должна получить суверенитет, стать независимой планетой. Эфанцы сами будут командовать у себя дома, торговать чудами со всеми галактиками. Таможни, границы будут уничтожены. Азы экономики. Лишь при открытых границах, свободном товарообмене можно покончить со здешней нищетой, войти в ряд богатых планет, получить современные технологии, привлечь инопланетные инвестиции.

Вот для чего нужна сома. Когда народ Эфы получит десять могущественных дэвов, он наконец-то уберет продажных политиков, свергнет компрадорский режим и сможет стать хозяином на своей планете, начнет командовать в собственном доме. При появлении пантеона планетных богов-патриотов баланс политических сил на Эфе резко изменится в пользу проэфанских партий и движений.

– Ну что скажете? – подвел итог Инженер своим мечтам.

– Посмотрим.

– Не смотреть надо, а не отставать от современности. Ведь вся техника на Эфе допотопная.

– Вы как инженер должны знать, что современная техника возле Рамы толком не работает.

– Чепуха! Все можно приспособить – были бы деньги. А с демами надо торговать, а не воевать с ними!

– А с уголовниками тоже надо сотрудничать?

– Да. Временно можно работать и с криминалом. Это политика.

– Угу. Патриотическая.

Инженер не ответил. Он резко поднял руку и стал показывать куда-то вперед. Ущелье заканчивалось, а с ним и сегодняшний переход. Буквально через считанные минуты участникам экспедиции предстояло узнать, есть ли башня на обозначенном на карте месте или нет ее, правду сказала древняя карта или обманула.

Рубиновое солнце закатывалось в каменный раструб ущелья, упирившийся в лес. На выходе из ущелья – слева и справа – сторожевыми вышками стояли две высокие скалы. За правой, северной скалой и находилось указанное в карте место.

Кроме Геркулеса, весь отряд сейчас думал лишь об одном. Найдется хотя бы фундамент, щебень, оставшийся от древнего сооружения, и путь к заветной соме открыт. Не найдется... об этом как раз никто и не хотел думать.

Отряд приблизился к последней скале и начал ее огибать. Разговоры смолкли. Все ждали, что они все-таки увидят, когда закончится эта бесконечная каменная стена.

Оборвалась она внезапно, отряд вышел прямо к лесу и остановился. И первый же из горожан, до которого дошло, что он видит перед собой, не выдержал, сорвал автомат с плеча и открыл огонь.

Глава 4

Одетый в больничную полосатую пижаму горбун не торопясь шел пустым коридором. Ноги он переставлял медленно, будто все еще брел по барханам. Дощатый, выщербленный пол, судя по его виду, прослужил не один десяток лет, но человек умудрялся ступать по нему совершенно беззвучно.

«Библиотека», «Махатрамный музей погранотряда имени П. П. Баргузинова». Только на двух дверях висели таблички, с остальных их сняли. Впрочем, на последней двери, расположенной почти у самого торцевого коридорного окна, обнаружилась и третья табличка с довольно таки странным для кабинета текстом – «Человек».

Горбун подошел к светлому окну, смотрящему в степь.

Просвистел маскировочной окраски автоэр, он заходил на посадку. Со стороны казарм в степь бежал большой черный рогатый пес с книжкой в пасти. За ним торопился прихрамывающий солдат в одном ботинке. Солдат что-то кричал, кулаком грозил псу, а тот мчался прочь с таким энтузиазмом, будто не книжку вертанул, а стащил у повара кусок вырезки.

Человек в пижаме не стал досматривать погоню и отправился к окну в противоположном конце коридора. Ступал он по-прежнему бесшумно.

Затененное деревьями окно смотрело в густой лес.

В двух шагах от подоконника, с давними сигаретными отметинами на облупившейся краске, человек замер. Слышалось какое-то шуршанье, сопение, возня, шепот. Похоже, под окном стояла скамейка. Вдруг возня стихла, зазвучали голоса. Разговаривали двое.

– Ты меня любишь?

– Люблю.

– Ну так женись на мне, Сереженька.

Донесся тяжелый вздох, а грудной, чувственный женский голос не унимался.

– Женись на мне, не пожалеешь. Чего онемел, милый?

– Думаю.

– О чем?

– Почему вам, ведьмам, так замуж хочется? Любви мало, обязательно мужа вам подавай.

– Да чтобы быть твоей, только твоей ведьмой. Люблю я тебя, Сереженька, – грудной голос

загустел от чувств. Шуршанье возобновилось.

– Ну не могу я жениться!

– Почему?

– Пограничник я.

– Ну и что? Вон сколько ваших орлов на деревенских девчатах женились.

– И в куриц превратились. Все поспивались. Я такой мразью становиться не хочу.

– Ты у меня необыкновенный! Не торопись, не спеши, Сереженька, да тише ты. Что нового-то в отряде?

– Учения скоро, инспектора с упавшего звездолета в пустыне нашли. Говорят, недовольны нашим отрядом на Земле – вот и прислали проверять. А что он накопает, бог весть.

– Горбун что-ли? Слышала. Молодой, а переполоху, как от генерала. Лечат его сейчас. А вот я за два часа его на ноги поставила бы!

– Чего ж тебя не позвали?

– Так ваши доктора обо мне вспоминают, когда больной с душой расстается. Все безнадежных нороят подсунуть. А горбун быстро выздоровеет.

– Ты откуда знаешь?

– Я Денница, вила.

– Ведьма ты.

– Твоя ведьма, Сереженька.

– А докажешь?

– Да, Сереженька, да...

Шуршанье возобновилось, но ненадолго.

– Да, милый... но не сейчас. Вечером приходи.

Повторился тяжелый вздох мужского разочарования, мелькнула зеленой птицей пилотка по самому низу окна, и все стихло. Человек в пижаме осторожно приблизился к самому стеклу.

По тропинке к лесу уходила молодая женщина. Несмотря на жаркий день, на ней были красные сапожки до колен.

Со стороны автоэрной площадки к старому административному зданию шли трое. Впереди – военврач, за ним – двое офицеров в чине капитана. Черный мундир одного из них говорил о том, что его обладатель служил в космических войсках, а смуглое лицо, что он уроженец Эфы. Звали его Сундар, а разговаривал он с начштабом погранотряда капитаном Алексеем Уржумским.

– Ты с ним поосторожней, Алексей. Эти земляне только на вид хлюпки, а дойдет до дела – палец им в рот не клади. Что он молодой, также не обольщайся. Должность планетного инспектора просто так не дают. Оскар вообще особенный.

– Не заметил.

– Я тебе говорю. «Андромедей» – не первая катастрофа, в которой он выжил.

– Откуда ты знаешь?

– Космические войска тоже не лыком шиты, информационная служба у нас на уровне.

Малакская катастрофа: слышал о такой?

– Нет.

– Три года прошло. Там вся колония погибла, почти тысяча переселенцев, а спасся только один счастливчик. Ваш инспектор. Ей богу, мне уже сейчас не по душе человек, который выживает там, где все гибнут.

На крыльце, украшенном резными деревянными драконами, офицеры надели белые халаты и гулким коридором проследовали в палату, под которую, судя по задвинутому в дальний угол громадному столу зеленого сукна, переоборудовали обычный кабинет.

При появлении гостей большой захлопнул комком (компьютер-коммуникатор был сделан под небольшой черный кейс) и откинулся на подушки. Офицеры представились: Сундар – членом военной комиссии по выявлению причин и обстоятельств гибели космопортального лайнера «Андромедей», а Уржумский – начальником штаба, в данный момент исполняющим обязанности начальника погранотряда имени П. П. Баргузинова.

Первые полчаса беседы ушло на выяснение простого факта: толком Оскар ничего не знает. Команда «Андромедея» с пассажирами не контактировала, в момент катастрофы передатчики звездолета молчали, так что никто теперь не мог помочь комиссии разобраться с причинами аварии. Почему лайнер шел на высокой скорости? Зачем штурманы выбрали северо-западную, опасную траекторию? И вообще, с какой стати решили лететь в такой близости от метапортала? Ответить на эти вопросы мог только капитан лайнера со своими помощниками, но никак не чудом спасшийся планетный инспектор.

Разговор потерял формальный характер, когда Оскар начал с удовольствием перечислять случаи нарушения внутрикорабельных инструкций, замеченные им во время рейса. Таковых нарушений набралось двадцать три. Инспектор открыл комком и с экрана принялся зачитывать прегрешения погибшего экипажа, в большинстве своем совершенно ничтожные. Во время оглашения списка офицеры пару раз незаметно переглянулись.

– Теперь понимаете, почему перед посадкой я потребовал индивидуальную спасательную капсулу? – закончивший чтение Оскар обратился к Сундару.

– Не доверяли экипажу «Адромедея»?

– Скорее – не был уверен в их профессионализме и ответственности. Мне и капсулу не желали предоставить, мол, на их памяти никто ими не пользовался. Пришлось дойти до помощника капитана, показать ему соответствующую инструкцию от 2198 года.

– И когда все пассажиры высыпали на смотровые палубы любоваться незнакомой планетой, вы уже спрятались в спасательной капсуле – так?

– Изучал ее инструкции. Я люблю инструкции. В итоге капсула меня и спасла, ну и песчаный холм, на который она рухнула.

– Ее отыскали? – Сундар повернулся к пограничнику.

– Нет, радиомаяк не работал.

– На капсуле вообще не стоял маяк, кстати, сняли его в нарушение инструкции, – потопился пояснить Оскар, – зато имелся паек, и, судя по его виду, паек тоже укомплектовали в двадцать третьем веке. Ну а потом мне повезло – меня нашли.

– Вы так говорите, будто хотите в чем-то оправдаться, – заметил Сундар.

– Я и оправдываюсь. Когда остаешься в живых, а остальные гибнут, всегда найдутся люди, которые начнут на тебя поглядывать с подозрением. Не так ли, капитан? – он посмотрел Сундару прямо в глаза, а затем подвел итог беседы: – По нарушениям инструкций экипажем «Адромедея» я в ближайшие дни составлю отчет и попрошу вас, капитан, забрать его и с ближайшим рейсом отправить на Землю.

Когда офицеры на крыльце скатывали халаты, Сундар не без сочувствия сказал:

– Повезло тебе, Алексей. Интересно, кто нашел это сокровище?

– Ребятки с тринадцатой.

– Хохмачи ваши? Тогда ясно. Передай им, что это не самая удачная их шутка. Ябедничать на экипаж погибшего звездолета? Ну, не знаю... – Что-то еще бурча, Сундар зашагал к автоэрной площадке.

Рубиновое солнце Эфы закатывалось за горизонт, когда закончивший дела Уржумский направился домой.

Наташа поджидала мужа на скамейке у крыльца, причем не одна, а в компании с Рафалом. Казалось, молодая женщина что-то шепчет рогатому псу, но на самом деле они давно все обсудили и теперь ее ласковые пальцы поглаживали жоака за короной рогов, а тот блаженно щурился. План Рафала понравился Наташе, если все пойдет по задуманному, то ей удастся увезти Макса из городка до самого его отлета домой, и при этом ни Макс, ни Алексей ни о чем не догадаются – что важно. Главное – держать мальчишку подальше от военной романтики и здешних войнушек. А еще и от того – Наташа была уже уверена в своих предчувствиях, – что неумолимо надвигается.

Первым заметил Уржумского ринк. Он легко поднялся, ухватил зубами монографию по топологии – награду за ум и будущие хлопоты – и тенью скользнул за угол дома.

За ужином разговор в основном крутился вокруг капризов Оскара. В апартаменты, отремонтированные под его приезд, инспектор перебираться отказался, решил остаться в старом корпусе, мол, тишина ему требуется, но питаться решил вместе со всеми, в столовой.

– А на самом деле, чем тебе Оскар не понравился? – спросила Наташа.

– Не пойму я его, будто с ласковой коброй беседуешь.

– Обычный земной топ-менеджер, да и с кобрами ради отряда ты с удовольствием поговоришь. Давай по существу: что на тебя давит?

Пришлось Алексею все выкладывать начистоту.

Планетный инспектор просто так на Эфу не заявится. Тогда с чем он пожаловал? Вопрос. Но хуже всего то, что Земля прислала человека гражданского. С военной инспекцией все ясно: она проверит состояние боевой части, уровень дисциплины, общую служебную эффективность

отряда в зоне его ответственности, выпьет по пять-шесть бутылок пальмовой водки на брата и улетит. Штатские намного опасней – это всегда политика. В общем, отряд могут ликвидировать.

– Но убрать пограничников отсюда невозможно, кто тогда людей защитит? – удивилась Наташа. – Ликвидация отряда – это катастрофа.

– С военной точки зрения – да, катастрофа, а вот с политической – всего лишь жертва пешки. Новости смотришь? На Земле чаще стали нападать на гуманоидов, власти в ответ начали борьбу с космософобиями, некоторые политики, спонсируемые торговыми компаниями, вообще требуют ликвидации всех погранотрядов вроде нашего.

Наташа задумалась, привычно потерла ладонью лоб.

– Убрать отряд с Эфы? Но тогда через границу хлынут... Я недавно с Земли, Алексей. Там столько умных людей, столько специалистов наивысшего класса – они разберутся, в спину нам не ударят. Ты лучше прикинь, как перетянуть Оскара на нашу сторону. Сопровождающих к нему назначил?

– Нет.

– А если использовать тех, кто его спас?

– И обезглавить тринадцатую заставу? Нет.

– Не торопись, это очень важно, поверь. Погоди, я чайник включу, и мы все подробненько обсудим.

Разговор их затянулся далеко за полночь.

Глава 5

Стреляли горожане в воздух, кто-то на радостях так вопил, будто они уже сому нашли, а не всего-то одну из указанных на карте башен, темный контур которой четко прорисовывался на фоне заходящего рубинового солнца.

Не обманула древняя карта – башня стояла в положенном месте. Ровно семь этажей, по числу богов в древнеэфанском пантеоне. Мощные колонны у входа. Они разительно отличались от ажурных, изящных, резных колонн традиционно украшающих почти все сооружения Восточного Гиркангара. Сложена башня из грубо обтесанного темно-серого камня. В замысле – никаких потуг на эстетику, а одна грубая мощь еще не преодоленной первобытности. Архитектура эпохи уже нашедшей богов, но еще не распрощавшейся с идолами. Пройдут тысячелетия, сменятся эры, поднимутся новые цивилизации, и только тогда в Восточном Гиркангаре научатся строить башни совсем в другом стиле – изящном, орнаментальном, с щедрым применением декоративных элементов.

– Понятно, почему о северных башнях ничего не знали? – Инженер торжествующе показал разведчику на крышу, густо заросшую кустарником и приличной высоты деревьями. – Моя карта не врет!

Федор не возразил, да и о чем спорить – серые камни прямо перед тобой. Когда на фотографиях пограничья искали древние сооружения, то ориентировались на башни Восточного Гиркангара, у которых крыши, служившие дозорными площадками, были выстланы идеально подогнанными каменными плитами. На таких плитах растительности не расщалиться, поэтому башни из космоса хорошо видны, и на всех спутниковых фотографиях они легко различимы. А эту башню и со ста метров можно не заметить. Присел отдохнуть древний богатырь и задремал ненароком. Лес тут же придвинулся, затянул его мхом да лишайником, обвил лианами, зашумел рощей на крыше и превратил в зеленый холм. Надвинул богатырь на брови зеленую шапку и заснул навеки. Недаром, когда отряд очутился перед башней, народ так сразу и не понял, что он видит перед собой.

Бандит в шляпе достал пистолет:

– Похоже, тебя не повесят, гала.

В ответ пограничник снял с плеча автомат, прицелился и запустил короткой очередью по верхушке ближней скалы. С деревьев снялась стая черных птиц и улетела в сторону рубинового солнца.

– В чем дело, Федор Тимурович? – подозрительно спросил командир отряда. – Неужели опять дэмы?

Пограничник кивнул.

– Да врет он все... – возмутился было красавчик и замолчал.

Все увидели, что на самой вершине скалы стоит человек. Никого не было – и вдруг появился. Пограничник рубанул второй очередью, и он исчез.

– Кто это? – озаботился Инженер.

– Дем.

– Опасен?

– Нет. Демовской силы в них прибавляется, но пока что хилые дэмы за нами идут, такие не нападут.

Инженер посмотрел на темную махину башни, на закат, заливающий небо кровью, и повернулся к отряду:

– Завтра идем к Рапе. Дорога к соме опасна, придется шагать рядом с киселем, сражаться с дэмами, но иначе сому не получить. Путь в дэвы не может быть легким, зато в конце его мы все станем самыми настоящими планетными богами.

К полуночи трезвых в отряде почти не осталось. Только Инженер и разведчик опрокинули по пятьдесят грамм для согрева и на том остановились, а народ приложился к заветной канистрочке со спиртом изрядно. Дальше – Рама, возле киселя особо не выпьешь, начеку надо быть, а сейчас почему бы не обмыть первую победу. Башня найдена. Карта реальная. Осталось сому найти, а уж там и стать всемогущим дэвом – всех-то дел.

Отряд собрался вокруг костра, говорили громко, а все разговоры крутились вокруг вина Рамы. Федор прилег чуток в сторонке, в общем трепе не участвовал, а поглядывал в сторону ближних скал. Думал о внуке, о шастающих в ночи демах; пьяная компания его интересовала сейчас меньше всего. Знал он цену таким компаниям. Сейчас обнимаются, целуются, клянутся, кричат, грозятся чуд-вино найти и не догадываются, что самое страшное для черных искателей начинается тогда, когда они заветный чуд находят.

– А, знаменитый искатель, как ты лажанулся с башней! – к разведчику подошел Мельник. Его пошатывало, хотя он и ухватился за плечи Артура. – Теперь я точно своих двадцать девок получу. Правда, Малец? Федя-то здорово нас напугал этой картой. Но я зла не держу. Ты хороший мужик, Федя. За это тебя Чамп и грохнет. Ха! – и довольный своим остроумием Мельник отошел к кустам. Мощно, не хуже Геркулеса, справил свое дело, после чего ветки страшно затрещали, послышался плотный удар о землю и донесся богатырский храп.

– Что загрустил, Тимурыч? – Малец подсел к разведчику. – Плюнь. Скоро все дэвами станем!

– Бог в помощь.

– А я стану! – парень пьяно прищурился, погрозил пальцем. – Я знаю, что ты обо мне думаешь. Вроде Мельника он. Мечтает двадцать баб поиметь. Как все, в общем. Что молчишь? Угадал? Скажи! Угадал. А я не такой как все!

Парень рванул на груди рубаху так, что чуть ее не сорвал. Стали хорошо видны накачанные бицепсы, рельефные плечи, да вот беда: роскошная мускулатура Мальцу абсолютно не шла. Имея тело атлета, говорил-то он как всегда с хнычущими, плаксивыми интонациями. Так часто бывает. Щуплый пацан накачает мышцы, чтобы его больше не обижали, а голос остается от прежнего задохлика.

Федор упрямо молчал, и тогда Малец рванул рубаху снова.

– Ни черта ты, Тимурыч, не понимаешь! Бездны у меня в душе, черные бездны. Как я всех ненавижу и презираю, этих людишек, ничтожеств, скотов. Твари они. Это вы, гала, их в мусор превратили. Народ в деревнях спивается, а вы чуды себе гребете. Скоты они. А я человек! Понял, зачем мне чуд-вино? Ну напряги свои солдафонские мозги, Тимурыч!

Парень попытался заглянуть в лицо Федора, но у него ничего не получилось. Тогда он рухнул на четвереньки, подобрался вплотную, и с прежними плаксивыми интонациями стал чуть ли не кричать:

– Справедливости я хочу, Тимурыч. Вы, гала, нам этого никогда не дадите. Мою невесту один гаденыш, сыночек нашего богатея, изнасиловал. И что? Да ничего. Милиция, суд – все куплено. Она с собой пыталась покончить. Инвалидом стала. Где вы были, хваленые гала? Защитнички... никого вы не защитили. А когда я хочу стать дэвом и отомстить, вы тут как тут. Нельзя! Это справедливо?

– Справедливо, – помощь пограничнику неожиданно пришла со стороны. Из темноты выбрался Мельник, с трудом застегнул все в темных пятнах штаны, рухнул рядом, спросил:

– Малец, у тебя руки есть?

– Ну.

– А пистолет?

– Еще бы.

– Так и пришел бы гаденыша. Для этого дэвом быть не нужно.

– Что я дурак? У этих богатеев – банда, они всю нашу семью вырежут и маму не пожалуют. У меня мать.

– Ах ты маменькин сынок, – Мельник обнял друга, звучно чмокнул, – хороший ты парень, Малец, но трус. Трус и слабак. Как друг тебе говорю. Трус, раз не отомстил, а слабак, раз девку бросил, не простил. Ты ее предал, Малец. Ты и Федю нам сдал. Слушай, Малец, да ты лучший предатель во вселенной! Дай я тебя поцелую. Ну не обижайся, мы все тут хороши... – и обняв парня, Мельник потащил его к костру.

Угомонился народ в лагере далеко за полночь. И когда чуд-искатели уже изо всех сил храпели, по вершине ближней скалы махнула тень и превратилась в фигуру человека. То одна, то другая луна прожектором ударит из быстро летящих туч, выбелит каменную вершину, но толком ничего не понять в ее неверном свете. Вроде стоит человек на самом краю скалы, а вроде уже и за краем. Видно, что он в черном длинном плаще с капюшоном, но как-то по-особому развевается плащ на ветру.

Вдруг обе луны вспыхнули разом, просветили фарами ночной мир и заглянули во мрак, затаявшийся под черным капюшоном. Но там ничего не было.

Утро выдалось хмурым, искатели чудов выглядели помятыми. Настроение, как говорится, никакое. Все хорошее – радость от найденной башни, спирт – осталось во вчера, сегодня – похмелье, а впереди ждет Рама со всем своим хищным демовством. Не хуже командира понимал народ, что настоящий поход только начинается.

На башню отправились четверо: разведчик, Чамп, Инженер и Мельник. Дорогу расчищали ножами. Особенно усердно пришлось поработать на крыше, к центру которой и пробивалась четверка. Старались не зря, так как именно там нашли затянутый плющом холмик трехметровой высоты, ради которого Инженер и затеял подъем на башню.

Арнольд Григорьевич ткнул лезвием в зелень листьев – послышался скрежет. Сразу же засверкали, заработали все четыре ножа, и небольшая пирамиды была вмиг очищена от плюща. Одну из ее сторон украшал барельеф с изображением клыкастого смеющегося дэва.

– Вот я тебя и нашел, – командир открыл планшет, достал карту и прочитал: – В солнечный полдень клыки Смеющегося разверзнут путь к коме.

– А по-русски? – спросил Чернорукый.

– Мы на правильном пути. Вино Рама спрятано в такой же башне, с таким же смеющимся дэвом на крыше. Осталось добраться до нее, а там уже ерунда: дожждаться солнечного полдня, разобраться со всеми этими клыками, путями и забрать сому.

– Сможешь?

– Я роботов ремонтировал, а все эти древние ребусы – задачки для детей.

– Не нравится мне, как он ржет, – Чамп докурил черную сигарету и щелчком запустил окурок прямо в лоб барельефу.

Люди ушли. Пробившийся сквозь листву луч солнца осветил пирамиду с распластанным на ней дэвом. Но навеки распятый на камне бог не плакал. Каменное божество злое ще смеялось.

Отряд двигался на запад, шел в сторону Махатрамы. Иногда Инженер останавливался, сверялся с картой, после чего все снова торопились за своими тенями. До обеденного привала случилась всего одна заминка, когда путь вывел чуд-искателей к полуразрушенному храму. Сперва они заметили на ступенях разбитый комком, а когда очутились внутри, то, как по команде, задрали головы вверх, но архитектурные красоты здесь были ни при чем.

На фоне проваленного купола, голубевшего осколком неба, висело три скелета. Связанные лианами, замотанные в сети скелеты слегка раскачивались в вышине, а когда они сталкивались друг с другом раздавался характерный перестук костей. На ногах одного из скелетов светились яркой анилиновой краской розовые кроссовки. Судя по обуви и пестрым лохмотьям,

молодежная компания черных искателей когда-то забрела в пограничье да и попала в недружелюбные лапы.

Мельник приподнялся на цыпочки и принялся размахивать палкой, неизвестно зачем пытаясь сбить со скелета кроссовку. Та не поддавалась, но когда палка задела подошву, вдруг запищала:

– Доброе утро, дружок. Я кроссовка фирмы «Супертим». Сегодня ты прошел ноль километров. Не ленись, дружок, работу любит удача. Заплати работой – удачу получишь на сдачу.

Правая кроссовка на тычок палки не ответила. То ли батарейки сели, то ли конструкторы наделили зачатками искусственного интеллекта и набором слоганов лишь ее левую подружку.

– Доброе утро, дружок! Я кроссовка фирмы «Супертим»... – завела тем временем левая кроссовка свою песню по новой, и еще долго уходящий прочь отряд слышал за спиной писклявый голос говорящей обуви, вещающей с ноги скелета.

После храма отряд замолчал надолго. Лишь командир, когда его малиновые ботинки на миг поравнялись с разведчиком, поделился мыслями, навеянными храмом с проваленным куполом:

– Наверное, в Древней Эфе границы метапортала находились далеко отсюда. Иначе непонятно, как древние эфанцы здесь выживали.

– Может, у них были хорошие пограничники? – резонно предположил лейтенант.

– Ага, из луков демонов расстреливали.

На том разговор и оборвался.

Как раз ко времени обеда отряд втянулся в широкую долину. На зеленых холмах цвели сливовые деревья, по розовым веткам прыгали попугаи и кричали во все горло. В сливовом раю и решили устроить может быть последний из мирных привалов. Дело в том, что на горизонте, в самом конце долины уже розовело марево Великой Темноты. Там хаживали, хозяйничали алые туманы Махатрамы.

После обеда Арнольд Григорьевич объявил общее собрание отряда, предоставив слово Федору для чрезвычайной важности сообщения. Доложил тот банде, как он по-прежнему называл про себя черных искателей, следующую информацию. Впереди – Рама. Поэтому надо срочно переходить на военное положение. Дальше людей нет и быть не может, а вот демоны могут появиться в любую секунду. Следовательно: всегда надо быть наготове. Не расслабляться ни на миг. Во все, что притворяется человеком, стрелять без предупреждения. Тогда, может быть, кто-то и останется жив.

Народ под таким напором озадачился. Кто-то спросил:

– А если сюда забрели такие же искатели? Как их отличить от демонов?

– Очень просто. Настоящий человек в пограничье узнается по автомату или пистолету. Вооружен автоматическим оружием? Значит, перед тобой человек. Не вооружен, или он с винтовкой, как у кочей, тогда стреляй в него без промедления.

После разведчика слово взял Инженер. Поговорить он любил и разглагольствовал поэтому долго. О том, что путь их теперь лежит на север, в самые опасные области Гиркангара. Именно там их ждет башня с заветной сомой, и там же всем им суждено стать дэвами, планетными богами. Но дэвами они станут не забавы ради, а для великой цели – независимости Эфы. Их победа будет победой всех эфанских патриотов, мечтающих о свободе для своей планеты, об открытых границах со всеми галактиками.

Народ не в первый раз слышал весь этот патриотизм и откровенно скучал, а Сураб так и зевал. Наконец Инженер объявил час отдыха, давая отряду время переждать жару.

Кто-то дремал, кто-то просто отдыхал, сбросив ботинки и задрав гудящие от ходьбы ноги на сливовый ствол, а по зеленому лугу вдоль речушки бродил один Сураб, подставляя под припекающее солнце бритую, всю в шрамах голову. Он ловил стрекоз, ловко смахивал их в кулак с верхушек камыша и совал в маленькую сетку. С уловом подошел к Чампу, показал его, так

мальчик хвастает маме, но Чамп роль мамы играть не захотел. Красавчика разморило; надвинув шляпу на глаза, он сидел под деревом, на стрекоз даже не посмотрел, а дружка послал подальше.

Тогда с радостной улыбкой идиота Сураб прибил к Федору, зная, что от того грубого слова точно не услышишь. Бандит сел прямо перед пограничником и принялся методично отрывать стрекозе крылышки и лапки. Блаженно улыбаясь, он залюбовался голым тельцем с выпученными глазками.

– Я так часами могу. Люблю, – поделился Сураб своей радостью.

– Молодец.

Сураб радостно затряс головой:

– С детства такой. Наберу ведро ящериц, возьму ножницы, обрежу им лапы, и в школу. Девчонки выскочат после уроков, а я им р-раз и вывалю ведро под ноги. Визжат. Прыгают, как козы. А ящерицы молотят хвостами, уползти пытаются. Дурочки.

– Шалун.

– Я с детства мертвый. Боли не чувствую. Недавно мать умерла. Болела долго. Умирала тяжело. Мучалась. А мне все равно. Ничего не чувствую. Веришь?

Для убедительности Сураб поднял булыжник и принялся им колотить себя по голове. Затем предъявил окровавленный камень и жутковато ухмыльнулся сквозь свои многочисленные шрамы.

– Ты хороший, Федя. Чамп тебя убьет.

Булыжник полетел в сторону, Сураб ушел.

– Придурок, – прошептал ему вслед Малец.

– Отмеченный, – ответил Федор, – такие у нас на учете состоят. Сураб еще со школы был дружком старшего брата Чампа. Баловались они в детстве, в мелкий кисель ныряли, и в итоге брат Чампа демом стал, а Сураб отмеченным. Заметил, как у него раны быстро затянулись? Ученые в таких случаях говорят о повышенной способности тканей к регенерации, а старухи: «дем душу украл».

– Чамп не любит о брате говорить.

– Так зверь был, а не дем. Лютый. Вот его наши пограничники и нашли. Кстати, сдал его кто-то из своих, как это почти всегда бывает. Всех этих демов со сверхспособностями обычно свои и предают.

– Чамп говорил, что за брата пограничникам отомстит, казнить вас будет, когда дэвом станет.

– Посмотрим.

Когда отряд возобновил движение, Артур еще долго обдумывал слова пограничника. Не понимал он Тимурыча. Зачем тот отправился в поход? На что надеется? Что он Чампа не знает? Все равно стрелок прикончит его. Да еще этот дурацкий устав пограничников. Видите ли не убивают они людей. Запрещено уставом. А если это зверюга, бандит? Ерунда какая-то! Пограничник и бандит: все равно вместе вам не ужиться. Никуда не денетесь, схлестнетесь. Стрельба будет, причем ясно, кто станет покойником. Эх, Тимурыч! Ни черта ты не понимаешь, дедушка, разве с бандитами можно нянчиться?

Как бы он поступил, очутись на месте Тимурыча, парень представлял очень даже хорошо. Если бы он умел обращаться с оружием так, как умеют пограничники, то разговор был бы коротким. При случае, неожиданно перестрелял бы бандитов да и всех остальных к чертовой матери, забрал карту, сому – и привет! Но куда этому дедушке... тряпка.

К Рапе отряд вышел вечером, в том месте, где долина поворачивала на север. Шагали левым берегом реки навстречу течению, а на берегу правом, в отдалении, у самых гор клубились розовые туманы метапортала.

На ночлег остановились до заката. До сумерек предстояло и сушняка набрать, и рыбы наловить, чтобы в темноте из лагеря уже никто не отлучался. Лагерь устроили на возвышении, подальше от прибрежных зарослей, а на реку за рыбой отправили двоих – Бухгалтера и Плотника, резонно решив, что по одному здесь лучше не ходить. Рама все-таки совсем рядом.

По дороге рыбаки срубили бамбук, чтобы соорудить себе остроги, и стали пробиваться через широкую полосу зарослей, за которыми шумела речка. Впереди шагал Бухгалтер, и ему оставалось сделать буквально пару шагов, чтобы выбраться на песчаный берег, когда более внимательный Плотник вдруг резко вдернул напарника обратно в чащу, прижал палец к губам и достал пистолет.

Они осторожно выглянули из-за кустов. По отмели с бамбуковой острогой бродила молодая женщина. Девка. Дикарка. Юбка из пальмовых листьев почти не прикрывала ее загорелые, мускулистые ноги. Выше талии одежды вообще не имелось, если за таковую не считать ожерелье из крупных, рубинового цвета камней. Еле заметным движением дикарка ткнула палкой, вода забурлила, а через миг в ее руках билась здоровенная серебристая рыбина. С добычей дикарка побрела к берегу.

– Уйдем, а? – зашептал Бухгалтер. – Вспомни, что гала говорил.

– К демам гала! – Плотник спрятал пистолет. Все нехитрые мужские мысли Плотника читались на его лице.

Девка шагала прямо на кусты, в которых затаились горожане. Не дойдя шагов двадцать, она швырнула рыбину, задрала юбку и присела на корточки. Управилась она за одну минуту, но и ее хватило Плотнику, чтобы возбудиться окончательно. Еще немного, и слюна потекла бы по его подбородку.

Оставив после себя темное пятно влажного песка, дикарка пошла к зарослям. Когда перед ней появились двое мужчин, не испугалась и что-то им прошептала на совершенно птичьем языке.

– Золото. Хочешь золота?

Плотник снял с шеи золотую цепочку и протянул ее дикарке. Та заулыбалась, взяла цепочку, залюбовалась струящимся сквозь пальцы сверкающим металлом, а даритель уже осторожно обнял ее за талию и попытался притянуть к себе. Она извивалась гибким телом, долго уворачивалась от губ и вдруг, перестав сопротивляться и не выпуская цепочку, дикарка опрокинулась на спину, увлекая за собой разгоряченного сопротивлением мужика, тут же приступившего к делу.

– Морвольф – это легенда, – возразил пограничнику Трубач.

– После встречи с Морвольфом, редко кто в живых оставался, вот он и превратился в легенду.

По расписанию именно Федору с Трубачом выпало сегодня разводить огонь и готовить ужин. У них все было готово, но рыбаки не возвращались, а тут вспомнили о Князе Великой Темноты – они и заспорили. Трубач вообще обожал спорить, причем даже на те темы, в которых не разбирался вовсе. И переубедить его было невозможно. Федор разговаривал с Трубачом в первый раз, этой его особенности еще не знал, поэтому поначалу отнесся к спору всерьез. Короткий рассказ пограничника о Морвольфе и его злодеяниях свелся к следующему. Морвольф – это дух мертвой материи, оборачивается всегда предметами и никогда – живыми существами, и хлопот он доставил пограничникам больше, чем любой другой дем. Князь Великой Темноты был бы вообще непобедим, если бы не одна его особенность: он терял силу пропорционально расстоянию от Рамы. Рядом с киселем с ним не борись, а вдалеке от него у Морвольфа сил хватало лишь на мелкие пакости. А лет двадцать назад Уржумский на него чуд-печать наложил, после чего о Морвольфе никто и не слышал. Вот он и превратился в легенду.

– Чушь! Все это солдатские байки, и никакого Морвольфа в помине не было. Да и в демов я не верю, – уперся по своему обыкновению Трубач, – их военные выдумали, чтобы чуды из Рамы качать да планетой командовать.

Пограничник спор продолжать не торопился, выбирал из кучи сушняка ветки соразмерные разгорающемуся огню и подкладывал их в костер.

– Что молчишь, гала? Сказать нечего?

В этот момент со стороны реки и донесся крик. Затем – два хлопка pistolетных выстрелов. И крик повторился. Кто-то вопил от нечеловеческой боли. Чуд-искатели вскакивали, хватали оружие, бежали к берегу, а вопль все звучал, не обрывался, словно сирену включили, и, казалось, ему не будет конца.

Глава 6

Солнце утвердилось в зените и пылало изо всех сил. Камни черепахами втянули под себя свои тени. По обсаженной молодыми березками аллею шел горбун в черном костюме, с небольшим кейсом в руке – Оскар начал свою первую прогулку по военному городку, судьбу которого ему предстояло решить.

– Раз – два. Раз – два. Кругом марш!

На плацу отделение занималось строевой подготовкой.

Из кузова грузового автоэра солдаты сгружали саженцы. Пакеты, защищавшие корни, тут же снимались, пограничники разносили саженцы, укладывали их рядом с заранее выкопанными вдоль плаца ямами. Засверкали лопаты – и вот уже молоденькие, слегка испуганные деревца дрожат листьями под легким ветерком. Сами солдаты-первогодки – коротко стриженные, с тонкими шеями – походили на высаженные ими деревья.

Чуть не зацепив Оскара плакатом, к плацу подошли два бойца, которые тут же принялись устанавливать принесенную художественную агитацию – изображение образцового солдата в натуральную величину. Особенно удалось художнику не ведающее сомнений лицо образцового воина.

Дрожит раскаленный воздух над трубой столовой, рядом со столовой группа солдат чистит картошку. Но вдруг внезапная перемена наступила в строе дня, словно военному городку надоело притворяться и изображать некий армейский стандарт.

Мелькнул перед инспектором бородач с физиономией пирата и фиолетовым крестом на груди; из-за пояса пирата торчал громадный трехствольный пистолет. За первым же сараем, за который заглянул Оскар, обнаружился металлический щит с надписью «Погранзастава №13 имени Антонио Сальери», причем чьи-то неизвестные, но явно гигантские зубы искорежили щит до такой степени, что он годился разве что в металлолом. Чуть поодаль, в густой тени старого дуба сидел буддийский монах в шафрановой тоге и, закрыв глаза, бубнил мантры. На шее монаха висела массивная бронзовая чернильница.

Лабиринту хозпостроек, в который забрел инспектор, казалось, не будет конца. Пришлось Оскару потратить приличный кусок времени на то, чтобы выбраться из складских дебрей.

Вышел он к учебному корпусу. Вот где бурлила жизнь.

Дятлом стучал молоток – у дальнего крыла ремонтировали красный пожарный щит. Торопились на занятия солдаты с конспектами в руках. Возле торца здания, у самых ворот шла муравьиная возня вокруг громадного ящика – сделанного из затемненного стекла аквариума на колесах. В глубине стекла двигалась какая-то тень.

Вдруг от мощного удара железная крышка аквариума приподнялась, мелькнул мощный хвост, стоящих поблизости солдат окатило водой. Тут уж сержанты заматерились всерьез, и в минуту общими героическими усилиями аквариум вкатили в ворота.

– Разрешите представиться, лейтенант Михаил Шувалов.

– Старшина Семен Острый.

Перед засмотревшимся инспектором неизвестно откуда возникли два пограничника. Увалень лейтенант и верзила старшина. В фигуре лейтенанта преобладали плавные кривые линии, зато старшину – в полную противоположность – то ли топором срубили, то ли он сбегал с плаката с изображением образцового пограничника. Из-за дефекта кожи лицо Семена Острого, казалось, покрывал слой гранитной крошки, что для непривычного глаза создавало общее впечатление человекоящера в форме.

– Мои спасители, – догадался Оскар.

– Так точно. Нам не впервой, – рявкнул старшина, – пустыня входит в зону ответственности нашей тринадцатой заставы. Мы могли бы показать вам базу, рассказать о ней, ответить на вопросы.

– Хорошо, начнем, – не стал спорить инспектор, и вся тройка двинулась вперед.

Рассказывал лейтенант. Он шел впереди, чуть косолапя, и сыпал фактами, подробностями из жизни погранотряда, как записной экскурсовод. Шувалов в данный момент карьеры готовился в Академию пограничных войск и был напичкан фактами, как автоматный рожок патронами.

Лекцию оборвал крупный волкодав, с лаем набросившийся на Оскара.

– Фу, Ероша, фу! – заорал на псину Острый, но волкодав не унимался.

Невесть откуда подскочил и виденный уже инспектором бородач со зверским лицом и фиолетовым крестом не груди. Он выхватил из-за пояса трехствольный пистолет и начал целить Оскару в лоб, торжествуя:

– Попался, дем! Счас я тебя сфотографирую.

Тем временем Ероша застеснялся своего зверства, заскулил, поднялся на задние лапы и попытался лизнуть Оскара в лицо. Волкодава оттащили, а Шувалов объяснил:

– За дема вас принял. Это потому, что землян редко видит. Теперь извиняется. А ты, Афанасий, остынь, ошибка вышла.

– Какая ошибка? У Ероши нюх, зря шерсть дыбить не станет, давай пальну на всякий случай.

– Нет.

– Как знаешь, Мишка, – бородач с неохотой убрал пистолет и буркнул: – Все равно ведь расстреляете.

– Не мешай, Афанасий.

Пока лейтенант препирался с бородачом, Острый трепал пса по загривку, а когда отпустил, сказал вслед потеплевшим голосом:

– Ероша нечистую силу за парсек чует. Красавец!

Экскурсия продолжилась, но блистать своими знаниями лейтенанту довелось не больше пяти минут. На этот раз их тормознул буддийский монах, тот самый, с бронзовой чернильницей на груди. Он опустился на колени перед старшиной и с поклоном протянул к нему ладони, на которых лежало заточенное лебединое перо.

На рык Острога, как из-под земли, появился дежурный с красной нарукавной повязкой.

– Почему посторонние в части? Что у тебя здесь за бардак, сержант!

Монаха увели, а гранитная физиономия Семена Острога запунцовела – засмутился старшина. Объяснять ситуацию пришлось Шувалову.

Оказалось, что монахи одного из дальних буддистских монастырей многие годы искали череп, который бы подошел для изготовления новой священной ритуальной чаши, габала. И недавно нашли этот череп. На плечах у старшины. Теперь монахи пытаются уговорить Острога завещать череп в пользу храма, а Острый от таких предложений почему-то всегда нервничает. Не готов он принять такую честь, да и авторитет старшины у солдат подрывают монахи своими притязаниями на голову их командира.

Пока Шувалов рассказывал, старшина решил то ли рвение проявить, то ли – а это быстрее всего – отвлечь внимание от досадной для него темы.

– В чем дело? Почему не стреляешь? Кто ведет огонь с такой кислой физиономией! – набросился он на упражнявшегося в стрельбе солдата – тройка экскурсантов как раз шла мимо тира.

С потупленной головой стоял солдат перед старшиной, а тот не унимался:

– В глаза мне смотри! Демову мать, да ты боишься ее! Цели испугался? А еще гала! Да что ты бормочешь, как попик перед апостолом. Смотри.

Острый отобрал у бойца трехствольный автомат, вскинул к плечу. В нише стояла цель – кукольной красоты молоденькая девушка в коротком светлом платьице, белой косынке – и тянула к старшине руки, моля о пощаде.

Бабахнуло раз, другой, и из дымящейся ниши вылетел платочек, тут же подхваченный ветром и улетевший в степь белой змейкой.

– Понял, как надо? И-испа-лнять! Что? На сестру похожа? Врешь! Сестра тут ни при чем. Ты красоты ее испугался. Трусость свою за жалость прячешь.

Острый ткнул кнопку на пульте. Появилась цель – шикарных форм блондинка в серебристых шортах и курточке. Стриптизерша завертелась вокруг шеста, не забывая воздушными поцелуями смущать солдата. Тот медлил, огонь не открывал. Багровея гранитным лицом, старшина заорал страшным голосом, и солдат начал неуверенно стрелять.

Шувалов разъяснил Оскару суть воспитательного момента в фирменном стиле тринадцатой заставы:

– Настоящий старшина – это папа Карло наоборот. Тот из чурки сделал человечка, а старшина человечков обтесывает в чурки.

– Ты это о чем? – спросил вернувшийся Острый.

– Да так, Сеня, сказочку одну вспомнил.

Инспектор со своим эскортом успел отойти от тира шагов на десять, когда старшина оглянулся, решил проверить ход упражнения. Автомат зачастил одиночными.

– Другое дело – может! – обрадовался Острый.

– Разве запрет на убийство не касается пограничников? – вопрос Оскар адресовал лейтенанту.

– Касается, и в самой полной мере. Пограничник никогда не выстрелит в человека. На Эфе запрет на убийство – абсолютный запрет.

– Тогда...

– Настоящий пограничник ничего не должен бояться, в том числе – и красоты. Вот и тренируемся помаленьку.

За спинами тройки звучали мерные уверенные выстрелы. Солдат сосредоточенно расстреливал очередную блондинку.

– Кстати, вон там идет чемпионат отряда по дуэлям, и его надо обязательно посмотреть – любопытное зрелище! – Шувалов показал в сторону дальнего стадиончика, с трибуны которого, занятой солдатами, как раз донесся взрыв хохота. Похоже, там действительно было интересно.

По дороге к дуэлянтам лейтенант расхваливал огневой городок. Везде стояли боевые роботы, рамы качания, тренажеры – в отлично оборудованном огневом городке имелось все для совершенствования личного состава в огневой подготовке. Добравшись до стадиончика, наша тройка пристроилась на трибуну, стоящую вдоль боковой защитной зоны.

В этот момент на линию огня вышла очередная пара дуэлянтов – щуплый солдатик и здоровяк ефрейтор. Бойцы разминали кисти рук, готовились к стрельбе. Разделяло их метров тридцать, и ровно посередине этой дистанции прямо по земле была проведена широкая черная черта. Сами дуэлянты стояли рядом со странными сооружениями, в виде столба с большим железным ящиком на верхушке.

Это Оскар видел. А еще он слушал комментарии лейтенанта, раскрывающие историю и нюансы здешних дуэлей. Стреляться бойцы будут на самых настоящих, боевых, а не спортивных пистолетах. Саму дуэльную забаву завезли на Эфу еще в конце двадцать первого века американские рейнджеры, занесенные сюда первой волной переселения. Рейнджерам на Эфе не понравилось, и они вскоре отбыли восвояси, а забава осталась, правда, уже здорово переиначенная русской смекалкой. В первоначальном, ковбойском варианте дуэль обеспечивалась только электронным приспособлением, да и стрельба велась на деньги, а русские умельцы доба-

вили механическую часть, придавшую поединку совсем другой характер – электромеханический. Железные ящики на столбах и являлись тем самым механическим устройством, прозванным «виселицей».

Щуплый солдатик и здоровяк ефрейтор закончили подготовку, замерли под «виселицами», постукивая пальцами по кобуре, и тут же черная черта пошла вверх, оказавшись большим черным щитом, который спрятал стрелков друг от друга.

– Что это? – спросил Оскар.

– Черный экран, – ответил Шувалов и объяснил, что черный щит на самом деле является пуленепробиваемым экраном. Как только черный экран станет прозрачным, начнется стрельба, десятки скоростных видеокамер зафиксируют траектории попавших в стекло пуль, процессоры информацию обработают, сопоставят ее с местоположением дуэлянтов в каждую микросекунду времени и выдадут результат. Так и станет известно, кто из стрелков в итоге «живой», а кто «застрелен».

– Результат появится на табло?

– Не совсем. Сейчас увидите. Смотрите, это электроника.

Черный экран исчез, будто растворился в воздухе, а все остальное произошло в секунду. Дуэлянты увидели друг друга, мгновенно выхватили пистолеты, расстреляли по обойме и так же, в миг, вернули оружие на место.

Потянулась невыносимо долгая пауза. Ждали стрелки, ждали пограничники на трибуне, когда же эти тугодумные процессоры обсчитают результативность выстрелов и доложат, кто из дуэлянтов «застрелен».

– А это механика, – чуть упредил «механику» лейтенант, после чего над головой здоровяка в железном ящике распахнулись дверцы, как в часах с кукушкой, но вместо птички показалось цинковое ведро, опрокинувшее на голову «застреленного» ефрейтора, к вящему удовольствию солдат на трибуне, десять литров воды.

– Простой тренажер, а результаты, между прочим, дает удивительные, – комментарий Шувалова потонул в солдатском смехе.

Экскурсия закончилась в той же точке, с которой и стартовала, – возле учебного корпуса. Все трое уселись на скамью рядом с памятником. Сработанный из черного металла старший офицер стоял на невысоком гранитном постаменте, на котором золотом горели слова: «П. П. Баргузинов. Дважды Герой Вселенной». Перед памятником на круглой клумбе адели цветы, а у его подножия лежало несколько гвоздик.

– Наш легендарный начальник отряда, – пояснил лейтенант, – между прочим, в его время дважды героев было всего восемнадцать человек на все рода войск. Тогда звезды Героев направо и налево не раздавали!

Лейтенант с увлечением принялся рассказывать о том, что в конце двадцать первого века именно баргузиновцы первыми прибыли на здешние рубежи, оседлали границу, обустроили заставы. А граница на Эфе особенная, редкая, таких в целой галактике – раз-два и обчелся. Не обделил Шувалов вниманием и памятник, прозванный в городке Железным Полковником. Памятник породил за сто лет своего существования не одну легенду; по крайней мере, стряпухи по ночам побаивались выходить на территорию в одиночку – боялись прогуливающегося Железного Полковника, – чем с удовольствием пользовались сержанты и солдаты из тех, кто побойчей. Была в ходу среди пограничников и легенда о последнем сражении, в решающий момент которого якобы и явится на подмогу несокрушимый железный воин.

Оскар терпеливо дослушал лейтенанта, поднялся и жестом остановил двинувшихся следом пограничников.

– За информацию спасибо, но в дальнейшем я бы хотел проводить инспекцию самостоятельно, без помощников. Не возражаете, Михаил? Замечательно. Тогда начну с учебного процесса.

Острый с Шуваловым переглянулись.

– Видите ли, – лейтенант явно подбирал слова поддипломатичней, – теоретические занятия у нас, как у всех, но вот практические занятия я бы не советовал посещать.

– Что такое?

– К нашей практике особая привычка нужна.

– Мне приходилось бывать на многих планетах, лейтенант. Вы думаете, Эфа сможет меня чем-то удивить?

На миг глаза инспектора затянуло ледяной коркой, впрочем, тут же растаявшей, и Оскар зашагал к корпусу.

– А настроение-то у инспектора испортилось, и мне кажется, после тира, – задумчиво пробормотал Шувалов и повернулся к другу: – Угробил ты настроение инспектору, Сеня.

– Я не девка и не поп, чтобы настроению способствовать, и задание это мне не по душе. Лучше бы я в одиночку за бандой кочей гонялся.

– Приказ, Сеня.

– А я не желаю перед мальчишкой, пусть он и с Земли, расшаркиваться.

Глава 7

Первым нашли Бухгалтера. Он забился в узкую щель между валунами и скрючился там эмбрионом. В руках эмбрион держал пистолет, но сами руки ходили ходуном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.